

Хабаровское региональное отделение Российского союза писателей

Притяжение-ДВ

Литературно-исторический альманах

Выпуск 2(13)

Весна-2020

Москва 2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6
П 77

Редакционная коллегия:
Пысина Галина Александровна,
Крадожен-Мазурова Елена Михайловна,
Люсяя Лидия Ивановна

П 77 **Притяжение-ДВ:** Литературно-исторический альманах. Выпуск 2(13). – М.: Издательство «Спутник +», 2020. – 212 с.

ISBN 978-5-9973-5590-6

Судьба подарила нам счастье общения с нашими ветеранами социалистического труда, которые родились накануне или в годы войны, и каждый в свое время пришел к литературному творчеству как к своей невероятной и необходимой сущности, к потребности писать для читателя, стать профессиональными писателями или поэтами в преклонном возрасте. Все они – члены Российского союза писателей в составе Хабаровского РО.

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6

Обратная связь:
Сайт <https://habrorsp.nethouse.ru/page/1321646>
ВКонтакте <https://vk.com/habrorsp>
Адрес электронной почты: habrorsp@yandex.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета.

ISBN 978-5-9973-5590-6

© Коллектив авторов, 2020

Предисловие 5

Раздел 1 Слово Алле Сенавиной (авторское имя Алла Давидович)

Мы родом из детства.....	11
Встреча с ангелом.....	21
<i>Стихи от Аллы Сенавиной</i>	
80 лет	36
Поры военной юные солдаты.....	37
База КАФ.....	39
Краснознамённая Амурская флотилия	42
Бронекатер 302	46
Триста второй	48
Победа после Победы	49
Цвела сирень	52
Сталинград.....	53
Читайте Бисмарка, друзья!	56
Победа	58
О парадах	59
Памяти.....	61
Памяти Михаила Задорнова	63
Поэма «Расул Гамзатов».....	65

Раздел 2 Слово Людмиле Скрипченко

Короткая проза. Воспоминания из детства

Война	71
Жаворонок	72
Курица	72
Орден.....	73
Рыба	74
Подарок	75
Дядя Ваня.....	77
Нелли «Беда»	78
Сапоги	79
Мать.....	80
Молитва.....	81
В войне участвовали все	82

Стихи от Людмилы Скрипченко

Матерям войны.....	83
Собирала девочка цветы.....	84
До Победы было далеко.....	85
Выходил солдат на парад.....	87
Мы шли к Победе всей страной	88
Не дождалась	89
На войну уходила девчонка.....	90
Ветеранам.....	91
Награды деда	92

Колокола	93
Безымянным солдатам	94
Простите нас	95
Просто герой	96
Лакримоза	99
<i>Песенное творчество Людмилы Скрипченко</i>	
Район наш Вяземский	99
Песня про казака	100
Георгиевская ленточка	101

Раздел 3 Слово Валерию Симакову

О себе	104
<i>Стихи от Валерия Симакова</i>	
Кому то надо было покалечить мировоззрение мое	106
Спасите журавля	107
Священная война	109
И снова Бога ищет Русь	111

Раздел 4 Слово Изольде Казановой

Заметки о военном времени	112
Амурский Сокол	122
Его звали Ефим	129
Он был родом из Амурских казаков	132
От Варшавы до Хабаровска	145

Раздел 5 Слово Светлане Блажкевич

Детские воспоминания, подтвержденные мамой	158
Два мая	164
Искры любви	177
<i>Стихи от Светланы Блажкевич</i>	
Детям войны	185
Курская битва	186
Женщине	187

Мемориальная страница – памяти Александра Харина

Наш Блюменорт. Очерк	191
<i>Стихи от Александра Харина</i>	
С выпускного – на войну	194
Она его в войну нашла	195
Фронтовому журналисту	196
В войну собаки воевали	197
Воинская слава России	198
Марафон Георгиевская лента	200
Наша Победа	201
День Победы	202
В День Победы ветеранам	203
Об авторах сборника	204

Предисловие

В региональном отделении Российского союза писателей, который стал самым молодым профессиональным писательским отделением в Хабаровском крае, по причине такой молодости, нет, и не было участников и ветеранов войны, нет, и не было тружеников тыла.

К ветеранам войны и тыла мы относимся с особым глубоким уважением. Например, наш художник-иллюстратор и член ХабРО РСР Надежда Суркова, как раньше, так и в эту весну иллюстрировала очередную книгу писателю, члену Хабаровского отделения Союза писателей России Евгению Кохану, ветерану Великой Отечественной войны. Дай Бог ветеранам войны долгой и счастливой жизни на склоне лет в окружении детей, внуков, правнуков.

Память наша хранит тепло и уважение о не вернувшихся с войны, об ушедших позднее, в мирное время... Светлая им память.

Судьба подарила нам счастье общения с нашими ветеранами социалистического труда, которые родились накануне или в годы войны, и из которых каждый в свое время пришел к литературному творчеству, к своей невероятной и необходимой сущности, к потребности писать для читателя, стать профессиональными

писателями или поэтами в преклонном возрасте. Все они – члены Российского союза писателей в составе Хабаровского РО. Закон Хабаровского края определил их статус – дети военного времени. Таких писателей и поэтов, публицистов и документалистов в нашем коллективе шесть авторов.

Отдавая дань поколению военных лет, мы, в лице наших любимых ветеранов, видим необходимость склонить перед ними голову, сказать спасибо, что выжили в своем детстве в тяжелое для страны и для их родителей время, спасибо, что хватает энергии и оптимизма в серьезном возрасте держать свой боевой дух, укреплять силу воли и брать пример с того же Мересьева, литературного героя Б. Полевого из «Повести о настоящем человеке»: сжимать в кулак всю волю и побеждать себя, свои недуги и травмы... И ждать...

Ждать выхода очередной важной книги, мечтать об издании книги для детей, участвовать и выигрывать литературные конкурсы. И писать, писать, писать стихи – тысячи стихотворений о любви к людям, природе, нашему лесному зверью и домашним животным и... о первом волнительном чувстве, которое помнится... как вчера.

Поколению помоложе из нашего авторского состава есть с кого брать пример.

Все вы, дорогие авторы, дети военного времени, для нас пример – мужества, жизнелюбия, позитивизма, радостного отношения к жизни!

Спасибо вам, что вы с нами!

Мы посвящаем вам литературно-исторический альманах «Притяжение-ДВ» №2 Весна-2020, Года памяти и славы.

Вам, Алла Ефимовна Сенавина, авторское имя Алла Давидович. Место рождения – село Николаевка Еврейской Автономной области Дальневосточного края. Совсем недавно 19 ноября Хабаровское РО РСРП отмечало Ваш 80-летний юбилей (2017г.) в Городском Доме ветеранов им. Соболевского (ныне переименован в Городской центр по работе с населением). Эти три года нашей с Вами дружбы промчались незаметно. Вы рождены, страшно подумать, в суровом 1937 году. Изданная книга Ваших стихотворений «Строка и жизнь» – краткая история страны в стихотворениях с 1978 года по настоящее время.

Вам, Людмила Николаевна Скрипченко, авторское имя Людмила Скрипченко. Ветеран труда, имеет правительственную награду, другие награды, благодарности и премии, в том числе за творческие литературные работы. В прошлом году 15 апреля Вы отметили свой 80-летний юбилей. А в феврале 2020 года

вышла Ваша вторая книга – «У отрогов Сихоте-Алиня». И сколько же в ней песен о любимом крае – о Дальнем Востоке, его городах и природе! Город Вяземский гордится вами! Ваш лесной техникум, в котором Вы до 70 лет трудились с одной записью в трудовой книжке – гордится Вами!

Вам, Валерий Иванович Симаков, авторское имя Валерий Симаков. Вы рождены в краях Геннадия Невельского – на Нижнем Амуре, необычайном месте, куда впервые, сойдя с морского судна после кругосветного годичного путешествия (точнее экспедиции), спустились стопы русских морских офицеров. Они подняли российский флаг на Вашей малой родине и добились задолго до Вашего рождения самой главной, самой важной царской фразы: «Где хоть раз поднят русский флаг, спускаться он не должен». Поэтичность присуща Вам с детства. А стихи Вы пишете в невероятном количестве: глубокие, значимые, насыщенные подтекстом и энциклопедическими знаниями природы, литературы, философии. Стихи полностью поглотили Вас в те годы, как у нас с Вами началась дружба. Мы знаем, что Вы – автор философских и публицистических книг и изданий, есть и фундаментальные труды, которые будут востребованы ни одним поколением образованных граждан нашей

страны. 80 лет Вам исполнилось 15 марта текущего года.

Вам, Изольда Николаевна Казанова, авторское имя Изольда Казанова. Юбилейный год Победы совпадает с Вашим личным предстоящим 80-летним юбилеем, который состоится 24 ноября. Мы помним, что Ваш день рождения совпадает с днем рождения знаменитого Всл.Сысоева.

Место рождения – наш любимый город Хабаровск. За плечами – многие годы творческой жизни: в живописи, в рукоделии и, конечно же, в литературе. Спасибо Вам за Вашу природную скрупулезность, педантичность, тщательность в подготовке материалов, которые Вы передаете в коллективные сборники. Мы гордимся, что именно Ваша проза для детей вошла в лонг-лист первого Всероссийского конкурса премии В.Арсеньева (2019г).

Вам, Светлана Никифоровна Блажкевич, авторское имя Светлана Блажкевич. Вы – самый молодой наш «ребенок войны». День рождения 29 июля и свой 75-летний юбилей Вы отметили в 2017 году. Вы рождены в очень интересной семье в особом, Краснофлотском, районе города Хабаровска. Ранее это была такая немного отдаленная территория краевой столицы. Исторически База КАФ берет свое начало от Русско-японской войны 1905г. История,

канувшая в лету. У Вас за плечами несколько изданных книг, участие в литературных конкурсах и встречах, литературные награды: медали, дипломы, грамоты, благодарственные письма... Стихосложение и речь Вашего письма напоминает сказания баянов Древней Руси.

И памяти Александра Андреевича Харина посвящается. Первый председатель (2017г) Хабаровского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Российский союз писателей». Александр Харин искал контакта с литературным клубом «Дальневосточники» в 2015 году, а познакомившись с его авторами – уже не расставался, ответственно возглавив региональное отделение на первом Общем собрании членов РСРП по Хабаровскому краю. Александр Андреевич родился 15 июня и в 2019 году должен был встретить свой 75-летний Юбилей. Однако день этот стал днем его памяти. Очерк о своей семье и стихи Александра Харина размещены в разделе «Мемориальная страница». Александр Андреевич Харин также родом из того, военного детства.

Раздел 1 Слово – Алле Сенавиной (авторское имя Алла Давидович)

В начале войны Алле не исполнилось и четырёх лет. Она родилась 19 ноября 1937 года. 9 Мая 1945 года ей было семь лет.

Мы родом из детства

Детство, детство... А было ли оно у меня, это детство? Родилась я 19 ноября 1937 года, а вскоре арестовали отца, который был председателем колхоза в селе Николаевка на левом берегу Амура в ЕАО.

Вот так и получилось, что с моим появлением на свет в семью пришли большие беды. Я и так была ненужным ребенком: в семье уже было две девочки 1931 и 1933 годов рождения. А я уж, так получилось, – «завелся» ребенок, куда от него денешься? Так что рождение мое не планировалось, а при сложившейся ситуации рассчитывать на родительскую любовь вообще не приходится.

Я была нелюбимым ребёнком в семье, и никакой любви со стороны матери или отца не помню. Сестры меня не любили, потому что после ареста отца мама работала бухгалтером на прииске «Колган», и вся забота о маленьком орущем существе легла на плечи шести- и

четырёх-летних сестер. Понятно, что им тоже любить меня было не за что.

Но, Слава Богу, «расстрельный» приговор, вынесенный моему отцу по 58 статье тогдашнего Уголовного кодекса, не успели привести в исполнение, и письмо моей матери Сталину И.В. все-таки дошло до адресата. Расстрел был заменен на другое наказание, и мы оказались на Чукотке, в Анадыре.

Вот с Анадыря у меня и начинаются воспоминания о детстве, а осознавать себя, как личность, я стала, наверное, лет с трех.

Мое раннее детство в Анадыре запомнилось тем, что я панически боялась чукчей, а они в нашем доме были частыми гостями. Наш дом стоял у самого лимана, и они часто приходили пить чай. Я до сих пор помню их гортанные восклицания: «Чай варкен!» Что означают в переводе эти слова, я не знаю и сейчас, но что-то связанное с чаем: то ли вопрос, то ли восклицание. Поскольку их появление в нашем доме для меня заканчивалось страшным ревом, они сделали мне маленькую нарточку, как санки, и сшили красивенькие красненькие торбоза (сапожки по-нашему). Подарки были приняты мною благосклонно, но мой панический ужас от встречи с ними все равно оставался.

Помню из той жизни, как папа носил меня в садик или в ясли (не знаю), как держал меня на одной руке, а второй рукой держался за веревки (или тросы), натянутые между домами, чтобы люди не погибали в пургу.

Помню, что у нас в квартире стояла круглая железная печка, и я тогда думала, что печки только такие и бывают. Ночь там тянулась долго: целых полгода, но зато потом столько же был день.

Помню, как какая-то девчонка увела меня один раз в тундру есть морошку, а потом нас искали всем поселком.

Помню, что наши анадырские старшеклассники на лыжах ходили на Аляску, поздравлять американских военных (наверное, с 23 февраля), они ведь были нашими союзниками. Аляска от Анадыря всего в шести километрах.

Помню еще такой случай: моей средней сестре Рае вырезали аппендицит, и она лежала в больнице с мамой, а старшая сестра Нина повела меня в больницу проведать Раю. Когда сестры разговаривали, они не принимали меня всерьез, а я узнала много нового: что аппендицит есть у всех людей, и что его надо обязательно удалять, потому что он может лопнуть. Я все это сразу усвоила и решила, что

я обязательно должна прооперировать своего папу, чтобы он был в безопасности.

Когда отец утром пришел с ночного дежурства, сестра была в школе. И я тут же взялась за дело. Я достала отцовскую опасную бритву, открыла ее и уже хотела приступить к операции, но, Слава Богу, вспомнила: Рая говорила, что надо замораживать, чтобы не было больно. Я положила бритву и пошла в сени за «анестезией». Слава Богу, снегу со льдом в сенях было достаточно. Я нагребла какое-то количество и вернулась в комнату, продолжила приготовление к операции: задрала отцу рубашку на животе и плюхнула туда всю «анестезию».

Результат был неожиданный! Отец вскочил, как ошпаренный, по-моему, даже выражался нецензурной бранью. Когда увидел ребенка с опасной бритвой, то испугался еще больше, теперь за ребенка, который мог поранить себя. В общем, операция не состоялась.

Когда мы уезжали из Анадыря, мне было лет пять. В Петропавловске-Камчатском я увидела, как мальчик ест что-то зеленое. Понимая, что он ест что-то, чего нельзя, я хотела отнять у него это зеленое, что есть нельзя. Но он понял мои намерения по-другому и убежал, а потом прибежал снова и протянул

мне тоже что-то зеленое, что сам ел. Я откусила, разжевала, а потом начала все выплевывать. Вот так состоялось мое первое знакомство с ... огурцом.

Так я и росла нелюбимая, некрасивая и никому ненужная девочка, к тому же я совершенно не могла выполнять никакую физическую работу, поэтому меня все считали лентяйкой, и никто не обращал внимания, что ребенок, по своему темпераменту, холерик, никогда не бегают, не прыгает, не играет «в классики». Никто же тогда не догадывался, что у этого ребенка жизненные параметры слишком занижены. Только когда мне ставили градусник, температура никогда не доходила до тридцати шести градусов и сразу говорили: «Упадок сил». И только став взрослой, я узнала, что температура у меня 35,9 градусов, пульс 40, давление стабильное 90 на 60. Так что, как сказала мне однажды врач, я не жила, а просто существовала. Так вот жизнь и прошла мимо.

Но я была удивительным ребенком, в том плане, что в четыре года уже хорошо читала, была легко обучаемая, а прекрасной памятью удивляла всех окружающих.

После Анадыря мы приехали в Хабаровск, но через несколько дней уехали в какой-то поселок, и началась наша «кочевая» жизнь по стройкам, по поселка, по деревням.

А время шло. Но в школу я не ходила ни в семь лет, ни в восемь, ни в девять. И только когда мне было уже почти десять лет, в 1947 году, и то не в начале учебного года, а где-то во второй четверти, мама привела меня в четвертую школу г.Хабаровска.

Мы к этому времени приехали в город Хабаровск и жили на улице Михайловской, сейчас это улица Некрасова. Мама говорила, что меня надо принять в третий или в четвертый класс. Директором школы была Анна Ивановна Чегодаева. Все смотрели на маму, как на сумасшедшую и не хотели брать меня ни в какой класс, так как я ранее нигде не училась, и никаких документов у меня не было. Мама стала рассказывать о моих способностях, и, в конце концов, мне дали какой-то текст и сказали: «Читай». Я тут же ответила, что я прочла. Они переглянулись и решили, что не только мать, но и дочь тоже сумасшедшая, потому что сколько раз они мне сказали: «Читай», столько раз я ответила: «Я прочла». Наконец, кто-то из них сообразил сказать: «А мы не слышали». И тогда я поняла, что надо вслух сказать текст, что я и сделала, уже не читая.

В общем, сошлись на третьем классе, так как я родилась в ноябре, и десять лет мне должно было исполниться в третьем классе.

Но и тут учеба у меня не задалась, потому что я как-то, прибежав с улицы домой, увидела целое ведро «повидла». Голодный ребенок так хорошо «приложился» к этому «повидлу», которое оказалось жидким мылом, что когда пришла мама, я уже умирала, и не было никого, кто бы мог помочь. И соседская девочка, которую звали Марка, вдвоем с мамой волоком тащили меня в больницу, находившуюся на перекрестке улиц Амурский бульвар и Джамбула.

Только я выздоровела после «повидла» и пошла в школу, как случилась новая беда.

Какой-то учебник или тетрадь был обернут газетой с портретом Сталина И.В., а я еще и накрасила ему щеки. Меня исключили из школы, и я сидела дома.

Это было очень кстати, так как ходить в школу все равно было не в чем.

Всю зиму я просидела дома. А весной, почти перед окончанием учебного года, к нам домой пришла моя учительница и сказала, чтобы я возвратилась в школу.

Я вернулась, учебный год уже заканчивался, и меня, как всех, перевели в четвертый класс. Так что моя школьная жизнь началась с четвертого класса.

Начала войны я не помню, так как мне было всего три года, а в Анадыре все-таки, как

мне кажется, был особый контингент населения. 9 Мая 1945 года помню смутно. Мне было семь лет, но я даже не знаю, где, в каком поселке, деревне мы тогда жили.

Девятого мая 1945 года в День Победы, конечно, все радовались и ликовали. День 9 Мая считаю самым главным праздником в жизни и не только в нашей стране. Помню, что после этой даты в 1945 году стали возвращаться с войны победители.

Вернулся муж моей старшей сестры Симы, дочери моей мамы от первого брака. Муж сестры был офицер Митин Степан Романович. Он был профессиональным военным, и жили они в Хабаровске в военном городке, а потом в военной части Белогорска. Митин С.Р. умер в 1994 году и был похоронен с воинскими почестями на кладбище в городе Нерюнгри в Якутии. Чуть позже в том же году умерла моя сестра Митина Серафима Марковна. Она похоронена там же, где и ее муж. В Нерюнгри живет их сын Виктор Степанович Митин, Заслуженный врач, был депутатом Государственной Думы первого созыва. В Нерюнгри его знают все.

А у нас на Дальнем Востоке после 9 Мая 1945г. была еще одна Победа.

На улицах Хабаровска работали пленные японцы. Сахалин стал советским и Курильские

острова тоже. Мой отец с сестрой Раей уехал на Сахалин, а я осталась с мамой. Жили мы в комнатке в одном из домиков по ул.Амурской, сейчас улица Гайдара. Мама работала в типографии №5, которая находилась на пересечении улиц Льва Толстого и Карла Маркса. Сестра Нина в 14 лет поступила в ФЗУ и стала токарем. Она всю жизнь работала на заводе, который носил имя Молотова, а потом стал «Дальдизель».

Сестра Нина вышла замуж в 1951 году, и у нее родилась дочь Таня. Мама ушла жить к Нине, а меня, как ненужную вещь, отдали соседке, у которой была дочь, моя одноклассница, и я почти два года жила у соседки тети Маши Тактаевой.

В 1953 году я уехала на Сахалин к отцу, поступила в лесотехнический техникум и 54 года жила на Сахалине.

Когда в сорок первую годовщину Победы (1986г) меня попросили поздравить ветеранов транспортного предприятия, где я тогда работала, у меня получились всем понятные стихи *«Поры военной юные солдаты»*, ради публикации которых в районной охинской газете редакция работала всю ночь с восьмого на девятое мая 1986 года. Стихи были написаны восьмого мая, а газета на девятое мая была уже сверстана. Девятого мая

1986 года газета «Сахалинский нефтяник» вышла с моими стихами на первой странице. Потом были стихи «*Цвела сирень в победном 45-ом...*» И с тех пор я стала охинской знаменитостью.

Но цикл стихов на тему Великой Отечественной войны 1941-1945гг. у меня действительно получился неплохой.

Переехав в 2007 году в Хабаровск, я как-то попала к морякам, и тоже появился интересный цикл стихов о Краснознаменной Амурской флотилии, о войне с Японией, о базе КАФ, а со стихами «Бронекатер-302» я стала дипломантом в городском конкурсе (2017г.).

Это стихотворение вошло в тройку лучших стихотворений, посвященный городу и его истории.

В 2018 году вышла книга моих стихов «Строка и жизнь», за что спасибо Хабаровскому РО РСРП и председателю Пысиной Галине Александровне. Дай Бог им здоровья и успеха во всех делах!

Вот такая жизнь.

Я имею статус «Дети военного времени», как все остальные в Хабаровском крае, кто подходит по возрасту под этот статус. Правда, какой в нем смысл – не знаю.

Встреча с ангелом

К тому времени, как я заканчивала свой лесотехнический техникум в Южно-Сахалинске, на Сахалине у меня уже никого из близких не было. Я была одна.

По распределению я оказалась в пос. Лесное – это в 12 км от Победино. Это был участок Смирныховского леспромхоза. Там я вышла замуж за самого лучшего парня поселка Сенавина Васю (по паспорту – Алексей): высокий, красивый со светлыми волосами и большими голубыми глазами. Спиртное не пил и не курил.

Когда дело шло к свадьбе, бухгалтер лесопункта, фамилию ее я не помню, а звали Таисия Тимофеевна, сказала мне: «Аллочка, говорю с тобой, как мать. Знаю, что никого у тебя нет. Прошу тебя, не делай этого. Посмотри на его отца». Вместо «Спасибо», и принять к сведению слова мудрой женщины, я ей нахамила: «Если смотреть на отцов, то ваши Женька с Валеркой умрут холостяками».

«Если бы молодость знала...» Как часто и как горько я потом в жизни жалела о том, что не послушала хорошего человека, да ещё и нахамила.

А отец моего жениха – личность, действительно, неординарная, а главное –

хронический алкоголик в 39-ом поколении, да еще большой любитель, когда пьян, издеваться над своей многочисленной семьей. Урезонить его в такие минуты не мог никто. Он понимал только силу. Справиться с ним могла только я, потому что по жизни только и умела, и любила драться. Делала это с удовольствием, с аппетитом и со знанием дела, так что меня он боялся, и не зря.

Но Вася не пил, пока. Спустя несколько лет, когда мы уже жили в Берёзовском леспромхозе, и нашей дочке Гале было два с половиной года, родился второй ребёнок – сын Саша, в январе 1963 года. Так вот, когда меня на лесовозе и в сопровождении трактора везли сквозь пургу в Победино рожать, я тогда не знала, что вижу своего мужа непьющим последний раз.

А ему, как непьющему, мужики отдавали на хранение деньги, да и дома были деньги. Я получила декретные, и работали мы вдвоем. Деньги были. В общем, когда вернулась домой с сыном, денег уже не было никаких: ни своих, ни чужих.

Прошло шесть лет. Меня перевели в Ноглики в Нижне-Тымский леспромхоз инженером по технике безопасности. Я думала, что уеду с детьми одна. Но опять были клятвы,

что бросит пить, что там не будет дружков-«забулдыг». На новом месте всё вернулось «на круги своя». Гены хронического алкоголика брали своё. И, в конце концов, два милиционера посадили моего мужа в самолет, объяснив ему, что его ждет в случае, если он опять появится в Ногликах. Я осталась одна с детьми. Жизнь продолжалась!

1973 году я поступила в ВЮЗИ (Всесоюзный Юридический Заочный институт). А в 1976 году, к которому и относятся описываемы события, уже была студенткой третьего курса этого ВЮЗИ. Поезда тогда ещё до Ноглик не ходили, а автомобильная дорога в межсезонье превращалась в бездорожье, с трудом преодолеваемое вездеходами. Основной транспорт, связывающий Ноглики с внешним миром, был самолёт Ан-2, а иногда летали вертолёты, так как вокруг Ноглик находились нефтяные промыслы.

Но вот процессуальные сроки – это было свято! А как их было соблюсти при бездорожье или нелётной погоде? Ведь своего адвоката в Ногликах не было.

Поэтому тогдашний прокурор Ноглик Виктор Николаевич Александров обратился в Верховный Совет РСФСР с просьбой разрешить студентке третьего курса ВЮЗИ, в порядке исключения, совмещать свою основную работу

(инженер по технике безопасности в леспромхозе) с адвокатской деятельностью. Это был выход из сложной ситуацией в районе. Согласие было получено. И я стала адвокатом в посёлке Ноглики. На судебные заседания меня отпускали с работы без проблем, но ведь и моя основная работа требовала моего присутствия и в управлении, и в местах непосредственного производства работ.

Вот так и случилось в тот раз, о котором хочу рассказать.

Это произошло в один из дней навигации 1976 года. Я с очередной проверкой прибыла в портпункт, где под погрузкой стоял японский корабль. Название его я не помню, какой-то очередной «МАРУ».

К тому времени, как мы прибыли в портпункт, сильно испортилась погода, и началось сильное волнение с морского борта, откуда и производилась загрузка из кошеля, а не с плашкоута.

Конечно, такое нарушение происходило часто. Но одно дело, когда я об этом не знаю, другое, когда это происходит при мне.

Естественно, я была обязана прекратить это нарушение. Но ведь рабочие, загружавшие корабль, были заинтересованы в сокращении времени загрузки корабля и прекращать работу не хотели.

Помощником начальника портпункта, так называемым «Хабамастером», был тогда Сорока Петр. Он уговаривал меня остаться в портпункте и не идти с ним на катере к кораблю для снятия рабочих. Но я отказалась. Тогда он мне сказал, чтобы я не выходила на палубу, чтобы они меня не видели. Но они уже знали, что я прибыла в портпункт. И когда мы подошли к борту корабля, на предложение Хабамастера, прекратить погрузку, они стали кричать, что и ни в такие штормы работают, а сейчас их снимают из-за меня. Они стали требовать, чтобы я поднялась на борт судна.

Ну, конечно, я вышла на палубу катера и приготовилась к выходу на борт корабля. В связи с тем, что штормило, парадного трапа не было, а был только штормтрап. Подняться на борт корабля, даже по штормтрапу, для меня труда не составляло. Но из-за того, что я маленького роста при выходе катера в верхнюю «мертвую» точку, я могла выпрыгнуть только на нижнюю балясину этого верёвочного трапа, что я и сделала без всяких усилий.

Но что случилось после...

Нижняя балясина с одной стороны оказалась переломанной. Когда я выпрыгнула на нее, переломанная балясина со стороны перелома опустилась вниз, а я повисла над

морем, держась руками за прогоны. Правда, сейчас не помню, был это трос или канат.

Это было страшно! Это было ЧП. Человек на трапе был обречён. Гибель женщины на иностранном судне могла спровоцировать серьезные последствия.

А в то время на корабле собрались все наши рабочие и все, свободные от вахты, японцы.

Они все стояли вдоль борта и горячо обсуждали ситуацию, предлагая варианты спасения человека. Вариантов для спасения не было. Выпустить второго человека на штурмтрап, чтобы помочь мне, запрещено инструкцией. Поднять трап вместе со мной нельзя, потому что его разобьет о кранцы. В общем, выхода нет.

А я висела на трапе над штормящим морем и не чувствовала ни страха, ни паники и уговаривала себя, что удар катера о борт судна оборвет мою жизнь мгновенно, я и не почувствую боли. Еще думала о том, что стоит мне разжать руки...

Снизу с катера мне кричали: «Алла, оттолкнись от трапа и прыгай, мы тебя поймаем!» Но от такого предложение мои ногти еще сильнее впивались в ладони, как потом оказалось, до крови. Время шло. Катер был

внизу и в верхнюю «мертвую» точку не выходил, будто кто-то его держал.

Сколько прошло времени – не знаю, мне казалось, что очень много. Я думала: «Мне 38 лет и у меня двое детей, у которых никого больше нет».

И вдруг я почувствовала, как очень сильная рука сжала мне щиколотку правой ноги и переставила мне её на вторую балясину! Две-три секунды, и я уже на борту корабля, и вокруг меня все наши рабочие.

Схватив за воротник Сороку, я спросила: «Петя, как я?» В смысле, как я здесь оказалась. Но Петя, заикаясь, повторял только несколько слов: «Ну, Алла, ты – кошка». Кроме этого, он ничего сказать не мог.

Зато очень много говорили японцы. Они были счастливы, что все обошлось. Окружили меня тесным кольцом и очень внимательно и эмоционально изучали мои ладони, при этом цокали языком и очень удивлялись. Наконец, один из них на ломаном русском языке сказал: «Арра-сан, жить будешь долго, почти сто лет». Их удивили линии ладоней моих рук.

Потом была кают-компания, букет филиппинских цветов, стилизованных под живые так, что многие хотели их понюхать, и все остальное. Как мы потом, уже ночью, сходили с этого корабля, я не помню. Но утром

я должна была участвовать в судебном заседании в Ноглинском суде.

Так что, все участники банкета пошли спать, а меня уже ждал катер в обратный путь до Ноглик, команда которого тоже была в легком подпитии. Механик Виктор Шишкин показал мне, как держать курс по створам, сказал, что вешки должны оставаться слева, а может справа – сейчас не помню, сказал, как мне ответить в мегафон, какими бортами расходиться, если будет встречный, и ушел.

А я всю ночь стояла у штурвала, строго соблюдая выданную мне инструкцию. Но к утру ситуация резко изменилась. Вешки оказались слева и справа. Я позвала Шишкина. Он пришел заспанный и недовольный, но увидев вешки, понял, что это мы вошли в ставник рыболовецкого колхоза «Восток».

Слава Богу, мы благополучно избежали последствий, ничего не намотав на винт, и утром прибыли в Ноглики.

Я сразу пошла в суд, где все судебное заседание откровенно спала, и сквозь сон слышала голоса судьи и прокурора. Но, когда обращались ко мне, я вскакивала и чего-то там бормотала. Я не знаю, заметили ли они моё состояние, думаю, что да, но вопросов ко мне не было.

А на работе в леспромхозе меня ждал разъяренный директор Цветков Борис Алексеевич. Он был участник войны и человек хороший. Но, оказывается, о происшествии на корабле узнали власти Сахалинской области.

Председатель Сахалинского Обкома профсоюзов Смолянский Александр Яковлевич провёл беседу с моим директором в таком «ключе», как будто бы Цветков Б.А. сам лично пытался лишить меня жизни, не думая о том, что у моих детей есть только мать.

Можете представить, как меня ждал мой директор.

Так закончилась эта история, и я о ней забыла, и никогда не думала о том, кто же меня спас, кто это мог сделать.

Ответ на этот вопрос я получила спустя пять лет в конце 1981 года.

Моему сыну Саше – 18 лет, и он уже «поспел» для армии, и не только для армии: в соседнем поселке Катангли девочка ждет ребенка. Слава Богу, совершеннолетняя. Мой сын женился. А год-то на дворе 1981, а это – Афганистан, и Сашу призывают. Он готовится к уходу в армию. Проходит комиссию, выполняет другие процедуры, связанные с призывом.

Живет он со своей женой Анечкой в Катангли у ее родителей.

Однажды, в один октябрьский вечер, ко мне пришла Анечка в сопровождении двух подружек. Я не сразу поняла, что что-то случилось. А когда поняла, то уже бежала в больницу.

А случилось вот что: Сашу вез в Катангли его дружок, мотоциклист, который был еще моложе Саши. Так как второй каски не было, Саша намотал себе на голову какую-то телогрейку и за дорогой не следил, вполне доверяя своему другу. Да и движение по дороге Ноглики-Катангли не особо интенсивное. Однако на пустынной дороге встретился мотоцикл с бензовозом. Саша, конечно, ничего этого не видел.

Его выбросило на дорогу лицом вниз, но он был в сознании. Управлявший мотоциклом парень погиб сразу. Приехавшая «Скорая» констатировала смерть водителя мотоцикла, а потом подошли к Саше со словами: «Этот тоже готов». Он это слышал, но не мог никак подать знак, что он живой, так как лежал вниз лицом и рот был забит землей. Что он жив, медики обнаружили, когда стали его грузить.

В общем, прибежала я в больницу, к нему меня не пустили, сказали, что его накололи, и он спит. Со мной поговорили так,

чтобы у меня не осталось ни малейшей надежды. О санавиации даже не было разговора.

После больницы я бежала... Бежала, конечно, громко сказано, потому что после инсульта 1978г я не то, что бегать, ходить могу с большим трудом. Я хотела скорей оказаться дома, чтобы выпить какие-нибудь лекарства, чтобы больше никогда не проснуться.

Мне по жизни часто говорят: «Алла, ты – боец» Я не знаю, почему обо мне такое мнение. На самом деле, никакой не боец. Я слабый, безвольный человек, совершенно не переношу физическую боль, а душевную – тем более. И, конечно, в создавшейся ситуации видела для себя только один выход – суицид.

Но вдруг со мной кто-то заговорил. Мужской голос властно приказал мне: «Что ты задумала? Не смей!» Я даже не поняла, откуда этот голос. Возле меня не было никого. Голос шёл из моего сознания. Я сказала, что не могу пережить своего сына. Не могу и не хочу. Голос меня убеждал и уговаривал, что я убиваю своего сына сама, что он будет ждать маму, а ему скажут, что мамы нет, ну, и все такое, в том же духе. Но я сказала: «Нет, я сделаю, что решила».

И тогда этот «голос» сказал мне: «Вспомни тот случай на корабле. И кто тебе помог тогда?»

Я остановилась. В моей памяти ожили картины того дня. Я как будто со стороны увидела этот корабль, висящего на тросе человечка, небо над головой и внизу – море и маленький катер. Кто мне мог тогда помочь? Я поняла, что это был мой Ангел-хранитель, он меня спас тогда, он меня спасал и теперь.

Но на этот раз он спас не только меня, но и моего сына, которого в нашей ногликской больнице и не собирались лечить. Его просто «пичкали» наркотиками и ждали конца.

Отказавшись от мысли о суициде, я начала борьбу за жизнь своего сына. Мне каждый день обещали вертолёт, но дни шли, а вертолёта всё не было. Говорили: «Погода нелетная».

Между тем, диспетчер ногликского аэропорта сказал мне: «Я посажу любой борт, хоть из Охи, хоть из Южно-Сахалинска или Хабаровска. Я приму любой борт. Я хочу спасти Сашу».

Гендиректор «Ногликиборнефтедобыча» предложил мне свой вертолёт, но это был МИ-2 и туда не входили носилки.

Прошло четыре долгих дня.

На пятый день – это был один из выходных, суббота или воскресенье, сейчас не помню, я пошла домой к главному врачу ногликской больницы Валентине Никифоровне. Со мной пошла теща Саши – Тамара. У Валентины Никифоровны работала стиральная машина – она занималась стиркой.

Я спросила, почему не отправляют Сашу. Она ответила, что из-за нелетной погоды. Тогда я ей напомнила, что санавиация – всепогодная. И тут она мне сказала, что ногликская больница задолжала много денег санавиации, и теперь они выполняют только необходимые вылеты.

Я спросила: «А это – какой?»

И тут она перешла в наступление, напомнив мне, что я – мать, и как я могу чего-то требовать во вред сыну. Сказала: «Вы же отнимаете у него последние минуты, и что Вам даст этот санрейс? Ничего он не даст».

Тогда я сказала ей: «Сейчас я Вам объясню, что даст этот рейс. Что он даст Вам. Я в трезвом уме и в здравой памяти говорю Вам, что Вы переживете моего сына ровно на столько времени, сколько мне потребуется, чтобы найти Вас. А найду Вас я очень быстро, Вы от меня не спрячетесь. Вот что даст этот санрейс лично Вам». Я не успела договорить.

Она стряхнула пену с рук и бросилась бежать в больницу, а мы с Тамарой – за нею. Но все же она бежала быстрее меня и успела закрыться на ключ в своем кабинете, откуда звонила по телефону, говорила нарочито громко, специально, чтобы слышала я. И только после того, как она мне через дверь сказала, что на нас идет вертолёт, она рискнула выйти из кабинета.

Казалось бы, все хорошо! Нет, не все хорошо. Есть же честь мундира. Значит, надо доказать мне, что она была права, отказываясь от его транспортировки. И нас отправляют в санрейс без медработника.

Где-то во второй половине пути он начал умирать, и я, став на колени возле него, кричала изо всех сил. Я не давала ему впасть в забытие и держала его в напряжении. Он плакал, ругался, просил, чтобы меня убрали, но забыться не мог.

Вертолетчики посадили вертолет в старом аэропорту возле больницы, так что мы успели доехать до больницы. Из нового аэропорта не успели бы. Но в Ногликах уже говорили, что не довели... Его приняли в охинской больнице, а мне сказали, прийти завтра.

Утром, когда я пришла в больницу, хирург Эгамбердиев сказал, нисколько не щадя моих материнских чувств: «У вас в Ногликах – это не врачи, это – палачи. Как было можно за

пять дней даже не поставить правильного диагноза, зато прилепить кучу других, не совместимых с жизнью, которых вообще нет. У нас не было времени опровергать их диагнозы. Мы действовали экстренно. И в результате по диагнозу из Ноглик мы растянули ему тазовый перелом. Это не медики, это – фашисты. Подавайте в суд на ногликских врачей».

Ровно месяц я просидела возле постели сына, а потом вернулась в Ноглики, надо было работать. Какое-то время еще он был там без меня.

Его жена Анечка была «глубоко беременная», но вместе со своей мамой тоже ездила в Оху. Где-то глубокой зимой я привезла сына домой. 30 января 1982 года родилась его старшая дочь Виолетта, моя внучка.

Так закончилась та, очередная, моя встреча с Ангелом-хранителем. Он не только сохранил мне жизнь в тот раз, но мы еще «отвоевали» десять лет жизни для Саши, в течение которых появилась на свет моя вторая внучка Женечка.

Когда Саши не стало, Веточке было десять лет, Жене – восемь.

Это были не единственные случаи, когда какая-то неведомая сила вытаскивала меня из таких страшных ситуаций, и я не понимала, кто меня спасал.

Теперь я знаю: это был мой Ангел-хранитель.

Стихи от Аллы Сенавиной

80 лет

Когда Вам будет 80 лет,
Вам пенсию поднимут, дорогие.
И спроса ни за что с нас больше нет,
Ведь мы ж «неадекватные» такие.
И как же цифра 8 нас страшит,
Ещё и ноль с ней рядом по соседству.
Но каждый место уступить спешит,
И прибегаем мы к такому средству.
Ну, вот уже и восемьдесят мне.
И знаете, не так уж это страшно.
Всё также буду рада я весне,
А жизнь – она по-прежнему прекрасна.
И ещё вот так бы я сказала
С высоты восьмидесяти лет:
«В восемьдесят всё начнём сначала,
Страху никакого больше нет».
Восемьдесят лет уже промчалось.
В жизни были радость, зависть, месть...
Но интрига всё-таки осталась:
Сколь той жизни? Хватит, сколько есть.
Жизнь свою оставь уже в покое.
Нет причин для грусти, убедись,

Что здоровье – «самое плохое»,
Всё равно хватает на всю жизнь.
Так что, для унынья нет причины,
А сегодня праздник у меня:
За столом прекрасные мужчины
И подруги – все мои друзья.
Как прекрасны восемьдесят лет!
В жизни всё уже ведь состоялось,
Но ещё немножечко осталось
Времени для будущих побед!

19.11.2017 г.

Поры военной юные солдаты

Вам девятнадцать было в сорок пятом,
А в сорок первом – лишь пятнадцать лет,
Поры военной юные солдаты,
Война навек оставила в вас след.

Орды фашистской «тигры» и «пантеры»
Швыряли в вас огонь и шквал свинца,
Но грозный вой коричневой химеры
Не устрасил советского бойца.

Вы долг сыновний выполнили свято.
Вы, жизни не щадя, шагнули в бой,
Поры военной юные солдаты,
Отчизну-мать прикрывшие собой.

И пол-Европы за четыре года
Прошли. Не все вернулись вы назад.
Вы – сыновья великого народа,
Что отстояли Прагу и Белград.

Друзей на плащ-палатках выносили,
Теряли самых близких, дорогих,
Кого в могиле братской хоронили,
Кого же... только в памяти живых.

Врага доби́ли в логове зверином,
Над куполом Рейхстага – красный стяг.
Он взвился над поверженным Берлином,
И больше нет разведок и атак.

Но ноют к непогоде ваши раны.
И памяти, как боли, нет конца,
Войну забыть не могут ветераны –
Она у них прошла через сердца.

И потому не могут быть спокойны
Сердца солдат в тот час, когда опять
Гремят над миром, не смолкая, войны.
И где-то снова плачет чья-то мать...

Не покидают ветераны строя,
Чтоб не руины – города цвели.
За то, что небо мирно голубое,
Поклон от нас вам низкий до земли!

И пусть не знают грохота снарядов
Ни сыновья, ни внуки тех бойцов,
Но помнят пусть чеканный строй парадов,
Победный залп во славу их отцов!

08 мая 1986 Южно-Сахалинск

База КАФ

Есть в Хабаровске много районов,
И история в каждом своя,
Только звание «Краснознамённой»
Лишь флотилия носит твоя.

Твоя, мой родной Краснофлотский,
Овеянный славой район.
Хранитель истории флотской
В историю эту влюблён.

Плыли грозные годы столетья,
Началась мировая война,
И в пылающем том лихолетьи
Закружилась планета Земля.

И, покинув родные пределы,
Уходили амурцы в бои
Против своры врагов оголтелой
За родные просторы свои.

За родные дома, за любимых,
Что остались в далёком краю,
Моряки подрывались на минах,
Погибали в жестоком бою.

Но они пред врагом не согнулись,
Флот ковал женихов для девчат.
В переулков названьях и улиц
Пофамильно герои звучат.

Вся страна стала грозным ударом:
Всё для фронта! И враг всем один...
И казалось, причём тут Хабаровск
И какой-то далёкий Берлин?

Но об этом скажу я вам позже,
А сейчас лишь хочу сказать,
Что любому народу негоже
Славу дедов своих забывать.

Руднев. Вместе с командой «Варяга»
Он сражался в неравном бою
За победу российского флага,
За Святую Державу свою.

Честь и гордость российского флага
Много раз подтверждалась в веках.
В нём блистательный подвиг «Варяга»,
В нём извечный врагов наших страх.

Голубков. Словно Саша Матросов,
Остановлен был огненный шквал,
И поднялись в атаку матросы,
Он же улицей в городе стал.

Много улиц, что носят гордо
Тех героев войны имена,
А у Сорнева – только орден,
И на доме табличка одна.

Сколько жизней положено было,
Чтоб рассыпалась в миг один
Ось, в которой фашистов сила:
Рим и Токио, и Берлин.

Бронекатер – речной работяга.
Он не просто так памятник стал:
Он под славой овееанным стягом
В сорок пятом Берлин штурмовал.

Непроста, нелегка Победа.
И в строю нынче внуки стоят.
Но пока живы славные деды,
Есть прекрасный пример для ребят.

База КАФ – наша славная База,
Из неё уходили в бои,
Подчинялись присяге, приказу
Сыновья-краснофлотцы твои.

А огонь потому и вечный,
Что всегда он должен гореть.
И в истории ТОФа навечно
КАФ из памяти не стереть.
5 августа 2012 Хабаровск

Краснознамённая Амурская флотилия

Ещё революции не было
В России – огромной стране,
А дальневосточное небо
Магнитом тянуло к себе.

В Хабаровске были китайцы –
Загадочный древний Восток.
Японцам же больше нравился
Портовый Владивосток.

И чтоб защитить границу,
Аннексию не допустить,
Храня, как ока зеницу,
Страну, надо флот укрепить.

Россия – страна морская,
И флот её славен в веках,
Но тут океан вздыхает
В раздутых её парусах.

Однако соседи рядом,
И каждый – себе король.
Хоть смотрят любезным взглядом,
В готовности быть изволь.

Мы помним Портсмут и Цусиму.
И помним мы Порт-Артур.
Урок не проходит мимо
Вельможных российских фигур.

Только четыре года
Минуло с этих пор.
Нас не пьянит свобода
И не забыт позор.

Нужно, нередко бывает,
Границы свои защитить.
И Государь решает:
Амурской флотилии быть!

Век двадцатый в самом начале,
Год восьмой лишь пока идёт.
Амур-богатырь качает
Рождённой флотилии флот.

Мелькают, как волны, блики.
Время идёт вперёд.
Теперь сам Амур Великий
Границы страны стережёт.

Потом уж случится много
Военных тяжёлых дорог,
Но фронтовая дорога
Амурцев свернёт на Восток.

Был уж Берлин повержен,
Радость победы пьянит,
Но оси токийской стержень
В землю ещё не зарыт.

И впереди – блистательный
Поход Сунгарийский ждёт.
Семь сот километров старательно
Флотилия с честью пройдёт.

Течёт в плоскогорье, в равнине
Сунгари – китайская река.
И в гранит закованы в Харбине
Капризной Сунгари крутые берега.

Сунгари – приток Амура правый.
Век двадцатый. Сорок пятый год.
Месяц август. Сложность переправы,
Залп орудий в памяти живёт.

Наши советские люди
С нашей амурской земли.
Они на стволах орудий
Китаю свободу несли.

Залпами орудий известили
Целый мир амурцы-моряки,
Что Китай они освободили...
Но Даманский будет впереди.

Четверть века пролетело птицей,
Уж такие были времена:
На Даманском острове граница
Кровию солдат обогрена.

И ещё лет сорок пролетает.
У политиков другой мотив.
И Даманский отдают Китаю,
Там погибших перезахоронив.

Нам курьёз политиков не ведом,
Только знаем, что когда-то встарь
В честь страны бил под Полтавой шведов
Пётр Первый – русский Государь.

И живёт Амурская флотилия,
Разменяв второй столетний век,
И звучат в ней славные фамилии,
И гордится каждый человек.

Что не только высшие составы,
Все старались, не жалея сил,
Воинской чтобы названье Славы
Наш Хабаровск с гордостью носил.

Бронекатер 302

Остановочка есть в Краснофлотском,
Бронекатер там гордо стоит,
«Кораблём» остановка зовётся,
Так народ про неё говорит.

Нет под катером тем пьедестала,
Только крены ему не страшны:
Пьедесталом для катера стала
Имитация синей волны.

Он совсем не велик размером.
Не какой-то морской исполин.
Но он может служить примером:
Его помнит даже Берлин.

Не страшны ни глубины, ни мели.
Он – Днепровской флотилии сын.
И в году сорок пятом, в апреле,
Штурмом брал он фашистский Берлин.

А потом голубая дорога
Привела на Амурский простор,
За кормою осталось так много
Судоходных и рек, и озёр.

Тяжела фронтовая дорога:
Попаданье прямое в отсек,
Восемь тяжких ранений – много,
Но он – катер, не человек...

Где-то латка, а где-то – сварка...
И опять он, как новенький стал.
В тридцать лет Победы так ярко
Гордо встал он на свой пьедестал.

И стоит уж почти что сорок
Мирных послевоенных лет.
Всем, как память, он очень дорог:
Он – свидетель наших побед.

Потому-то, ещё живые,
Моряки приезжали и шли
Вспомнить годы свои боевые,
Поклониться ему до земли.

Боевая готовность, как прежде,
Словно вновь отличился в бою.
Не даёт он погаснуть надежде:
Бронекатер навечно в строю.

11 августа 2012 Хабаровск

Триста второй

Здравствуй, триста второй.
Ты мне стал, как родной.
О тебе теперь знаю я много.
Знаю, как воевал,
Как Берлин штурмом брал,
Как трудна фронтовая дорога.

Ты прости мне слова.
Я была не права,
Где сказала, что ты просто катер.
Ведь душа в тебе есть,
Есть и гордость, и честь,
Память дружбы и крепких объятий.

Я у борта стою
И с тобой говорю.
И мне кажется, ты меня слышишь.
Каждый день поутру
Ты встречаешь зарю
И волною амурскою дышишь.

Как бываешь ты рад,
Если юный отряд
У борта постоит с замиранием.
Это будущий флот
Себе кадры куёт.
И доволен его ты вниманием.

Стой на радость нам, друг,
Озаряй всё вокруг
Своей воинской доблестной славой.
Для мальчишек ведь ты —
Воплощенье мечты.
В тяге к флоту мальчишки все правы.
02 февраля 2012 Хабаровск

Победа после Победы

Моряки возвратились с победой,
Свой суровый отпор дав врагу.
Но пришлось разбираться с «соседом»
На далёком своём берегу.

Объявили войну, и скоро
По Амуру-реке пошли
Канонерки и мониторы,
И речные его корабли.

В десять дней разобрался с «соседом»
Наш Амурский прославленный флот
И вернулся назад с Победой,
И в веках его слава живёт.

Он пронёс свою гордую Славу
До китайской Харбинской земли,
Фуюаньскую знал переправу
И капризы самой Сунгари.

И «сосед» перед грозною мощью
Очень быстро оружие сложил,
И холодной сентябрьской ночью
Мира этот «сосед» запросил.

Мира? Что ж, миру рады все очень.
Но меняется сущность страны:
Далека сорок пятого осень,
И забылись уроки войны.

И теперь вот, на грани риска,
Вспоминается клятва одна,
Что не будет милитаристской
Островная эта страна.

Ни к чему дипломатов беседа,
Клятвы, факты «сосед» забыл.
И опять искушает «соседа»
Реваншистский и зуд, и пыл.

Незлопамятны мы по натуре,
Но дадим мы достойный ответ
И «соседской» любой конъюнктуре,
И коварству восточному – НЕТ!

Мы претензий к себе не приемлем,
Ведь не мы же кичились войной.
За российские «спорные» земли
Заплатили мы страшной ценой.

Потому-то в седом океане
Сахалин стал форпостом страны,
И курятся в осеннем тумане
Острова из Курильской гряды.

Кровью воинов русских полита
Сахалинская наша земля.
Наша клятва: «Ничто не забыто,
И никто не забыт» – ведь не зря.

Сахалин по земным всем законам,
Он державы морской верный щит.
И от мыса Шмидта до Крильона
Он опять по-русски говорит.

По-русски здесь шумят берёзы.
Осинка на ветру дрожит.
И, с высоты роняя слёзы,
По-русски дождик говорит.

И также говорят Курилы.
Над ними русский вьётся дым,
И, что бы там ни говорили,
Их никому не отдадим.

Время мчится неумолимо,
Чтоб урок в назиданье пошёл,
Надо помнить: была Цусима,
Но Хасан был и Халхин-Гол.

11 августа 2012 Хабаровск

Цвела сирень

Цвела сирень в победном сорок пятом,
Был побеждён, повержен лютый враг.
В Германии советские солдаты
Автографы писали на Рейхстаг.

Автографы, что помнил мир спасённый,
Того, кто это право заслужил,
Прекрасных жизней двадцать миллионов,
Кто на алтарь свободы положил.

Есть никогда не меркнувшие даты.
Оплакав всех, кто не пришёл назад,
Стоят в строю те юные солдаты –
Победе уж давно за шестьдесят.

Стоят в строю седые ветераны,
Но с каждым годом реже этот строй:
Уносят жизни и года, и раны
Солдат, прикрывших Родину собой.

Но остаются внуки их и дети,
И память сердца – это навсегда.
И Слава их, хоть их уж нет на свете,
Пройдёт сквозь поколения и года.

Сегодня в честь безмерной их отваги,
Трудна Победа – враг суров и лют,
Победный ветер пусть полощет флаги,
Гремит над миром праздничный салют.

И каждый год сирень бушует в мае,
У обелисков замерла страна.
Страна, что вновь сегодня повторяет
Под мирным небом павших имена.

И отблески Победы убедительной
Вдаль не уносит времени река,
И подвиг поколенья победителей
В истории России – на века.

*Оха (Сахалин), 1987—1988,
Хабаровск, 4 февраля 2013*

Сталинград

Волгоград – звучит совсем неплохо...
Но есть, правда: воевал не он.
Сталинград – военная эпоха
Всей страны, народов и имён.

Миллион и двести тысяч жизней –
Сталинграду отданы они,
Отданы они своей Отчизне
В роковые огненные дни.

Двести дней рвались снаряды градом,
Шли бои в метель, в мороз, в пургу.
Если б город не был Сталинградом,
Всё равно не отдали б врагу.

И совсем не в Сталине тут толки,
Важен стратегический посыл:
Город ведь на матушке на Волге
Просто имя Сталина носил.

А приволжские земли степные
Каждый немец в мечтах получал,
Но ведь это была – Россия,
А о ней еще Бисмарк сказал:

«Никогда не воюйте с Россией,
Это очень опасно для нас».
Но забылись слова золотые,
Вековой был нарушен наказ.

Страны-сателлиты так пытались
Гитлеру поддержку оказать:
Венгрия, Румыния, Италия –
Вражбых армий отборных пять.

Лишь фельдмаршал Германии трезво
Обстановку оценивал он,
Понимал, что «кулак железный»
Их сжимает со всех сторон.

Видел Паулюс предельно ясно:
Все пять армий обречены,
Жертвы, гибель людей – напрасны,
И понятен исход войны.

И фашисты крепко получали,
Все пять армий лютого врага
В сталинградском том котле «сварили»
Волжские крутые берега.

Мы в долгу перед тем поколением,
Что спасли от фашистской чумы.
Перед ними бы встать на колени,
Ну, а что же делаем мы?

Сталинградом мы должны гордиться,
И открыто будем говорить:
Имени чтоб этого стыдиться,
Как Россию надо не любить!

В очень многих европейских странах
Площади, бульвары и метро,
Улицы, проспекты, как ни странно,
Носят имя гордое его.

И Неруда Пабло ведь заслуженно –
Сталинград поэт назвал не зря –
Орденом и стойкости, и мужества
На груди планеты всей Земля.

И вернуть то название на день –
То насмешка, не более чем,
Это фарс, и чего он ради?
Имя надо вернуть насовсем.

В сорок третьем советский воин
Умирал за него, увы.
Разве город-герой достоин
Шутовской этой шоу-судьбы?

Как же можно так издеваться
Над святою памятью их?
Сталинград так и должен зваться,
За него умирали они.

Вы представьте, как будут рады
Ветераны, особенно те,
Что сражались под Сталинградом.
Имя это в военной судьбе.

4 февраля 2013 Хабаровск

Читайте Бисмарка, друзья!

Европарламент! Это классно!
Ведь могут же, когда хотят,
Всем объяснить предельно ясно
И кто, и чём там виноват.

Как Украина истерила,
Чтоб не пустить Москву в ПАСЕ!
Себе же только навредила:
Над воплями смеялись все.

Вам не понять, что там такое,
И с Украиной что сейчас?
«Гуманитарные конвои»
Не дали «растоптать» Донбасс.

И, разорвав кольцо блокады,
Донбассу выжить помогли.
И это сделать было надо:
Мы Украине – не враги.

Там страшные дела такие.
Там убивают и сейчас.
Но, всё же, с помощью России,
Живёт растерзанный Донбасс.

Не видя в том Донбассе сына,
У всей планеты на виду
Пять лет родная Украина
Ведёт гражданскую войну.

Ну, а Россия? А Россия
Тож на виду планеты всей
Из озверевшей Украины
Вывозит раненных детей.

Россия в том лишь виновата,
Что вся открыта, на виду,
В любом народе видит брата,
И чувствует его беду.

И никого в беде не бросит.
Всегда поможет, защитит
И ничего взамен не просит,
Так совесть русская велит.

В России в мир открыты двери.
Не уважать её – нельзя!
А тот, кто этому не верит,
Читайте Бисмарка, друзья!

22.06.2019 г. Хабаровск

Победа

Как много сильных, красивых, юных
В полях сражений легли навек,
Как горько пели о павших струны,
И как был красен от крови снег.

Под артобстрелом в окопах стылых
Они мечтали: настанет день,
Домой вернутся, обнимут милых,
И белой пеной вскипит сирень.

Четыре долгих военных лета,
Смеясь над смертью, считали дни,
И за Победой – хоть на край света –
И шли солдаты, на Запад шли.

Ну, слава Богу, пришла Победа,
Её так ждали, пришла она!
Домой с войны солдаты едут,
Звенят, сверкают их ордена.

Победа кровью большой досталась,
И нам об этом нельзя забыть.
Уж так немного солдат осталось,
Пусть они смогут достойно жить.
9 Мая 1995

О парадах

Говорят сегодня либералы,
Что парады надо отменить,
Что фронтовиков осталось мало.
И пора нам без парадов жить.

Я хочу ответить либералам,
Как дитя минувшей той войны:
«Да, фронтовиков осталось мало,
Но живут традиции страны».

Каждый год встречаем День Победы.
Но особо ценен Юбилей.
В эти дни все бабушки и деды
Станут и моложе, и бодрей.

Для чего стране нужны парады?
Для того, чтоб видели враги
Нашу мощь. Друзья чтоб были рады,
И гордились все фронтовики.

Все! А это значит, что не только
Дедушки и бабушки войны.
Это и «даманцы», и «ангаевцы»,
И «афганцы», и «сирийцы» – мы!

А ещё Луганщина с Донецком...
Там – война. Там гибнет мирный люд.
Край Донбасс когда-то был советским.
И ни братья ль наши там живут?

Можно ль не понять того, что надо,
Чтобы гром орудий там умолк, –
Чтоб в Донецке тоже шли парады,
Чтоб в Луганске шёл «Бессмертный полк».

Если на одной большой планете
Не смолкают войны ни на миг,
Есть такие, как Захар Прилепин,
Он, по всем канонам – фронтовик.

Чтобы ночью мирно спали дети,
Чтоб их сон спокоен был и тих,
В бой идут такие, как Прилепин.
Как не чтить нам мужество таких!

И, неважно, сколько ветерану.
Выправки военной – не отнять.
И забыв про годы и про раны,
На парад отправится опять.

Для того стране нужны парады,
Чтобы на груди фронтовиков
Вновь звенели Родины награды,
И жила преемственность веков.

17 мая 2019 г. Хабаровск

Памяти

*Памяти замечательного человека
Корякова Владимира Михайловича*

Уходят наши ветераны...
И что же память нам хранит?
Невзгоды, годы, боли, раны,
Иль жизнь, которая горит

И освещает путь идущим,
И много мыслей, много тем?
И салютует день грядущий
Единомышленникам всем.

Войну прошедшие герои,
Вошли вы в летопись страны.
Вы славы, почестей достойны,
Хоть большинство из вас – скромны.

Но все, конечно, твёрдо знают,
Что это имя «Коряков» –
Оно одно лишь означает:
«Руководитель моряков!»

Ассоциация со знаменем,
Со Сталиным, и, может быть,
Считаю я, что будет правильным
В прошедшем времени о нём не говорить.

Он навсегда остался с нами.
И никуда он не уйдёт.
И память вечная с годами
Всё будет крепче каждый год.

Всегда седьмого ноября
С соратниками и друзьями,
И в день столетья Октября
Он, несомненно, будет с нами.

Памяти Михаила Задорнова

Смотрю я на экран:
Задорнов выступает,
Улыбчивый, весёлый и живой...
И сердцу больно так,
и сердце замирает,
Смириться трудно мне
с утратою такой.

Сатирой наша жизнь беременна.
Как падает с деревьев лист,
Внезапно, тихо и безвременно
Ушёл любимейший артист.

Туманные у жизни дали.
Не знают люди, что их ждёт.
Мы очень многих потеряли,
Но горше всех, его уход.

Подумаешь, и станет «плохо».
А жизнь, как прежде, вершит дела.
Ушла плеяда, ушла эпоха.
В эпохе этой и я жила.

Всегда в пути, всегда в дороге.
И вот в Хабаровск вновь приехал он.
С Амуром-батюшкою он связан многим?
И он к отцу приехал на поклон.

Задорнов Николай – историк и писатель.
Чугунная скамья. Он смотрит на волну.
И Батюшка-Амур теперь его приятель
И делят на двоих судьбу, звезду, луну.

«Выше справедливости –
только милосердие»,
Под таким девизом Михаил
К делу каждому всегда прилагал усердие,
Дел хороших много совершил.

Вершил благие он дела,
Но говорил об этом тише.
И Рига русскою была,
Пока в ней жил Задорнов Миша.

И постоянно, и повсеместно
Особой гранью сверкал талант.
И в «ожерелье» имён известных
Задорнов Миша был бриллиант.

Так трудно осознать,
кого мы потеряли:
Таких, как он, у нас
и не было, и нет.

Искрящийся талант
его мы принимали,
Как льющийся поток
с экрана много лет.

Мы так привыкли все,
что был он, есть и будет.
Всегда, всегда, всегда,
сколь существует мир.
Эстрадный рупор наш,
всегда понятный людям,

Блистательный артист,
заслуженный кумир.
21.07.2018 Хабаровск

Поэма «Расул Гамзатов»

Дагестан, Дагестан, дагестанец...
Словно музыка слово звучит.
В нём горянки пленительный танец,
В нём джигита булат говорит.

Век двадцатый был щедрым на славу.
Ветер с гор дагестанских подул.
И Великую нашу державу
В целом мире прославил Расул.

Он сын народа горцев небольшого,
Но с удивительной своей судьбой,
Чьё песен поэтическое слово
«Перевернуло» целый шар земной.

Родился он в бедной сакле горца.
В ауле Цада между горных скал.
Гамзат Цадаса дар свой стихотворца
При том рожденьи сыну передал.

У входа в саклю не шуршали шины,
Родня не замирала, не дыша.
Главу склонили горные вершины,
Приветствуя рожденье малыша.

Над тем аулом звонко пели птицы,
Как будто знали, что мальчишка тот,
Минуя все кордоны и границы,
Поэта мира славу обретёт.

В миру познавший многих аксакал
Расулом того мальчика назвал.
Так аксакал, вручая это имя,
Судьбу избранника предначертал.

Расул с арабского – значит «посланник».
Рожденный мальчик точно назван был:
Он и «посланник» был, и был «избранник»,
Он в мире нашем многое свершил.

Он был знаком с самим Фиделем Кастро,
Он с Че Геварой просто говорил.
В индийском Дели, вовсе не напрасно,
Расул Индиру Ганди посетил.

Себя он не щадил. С визитом дружбы
Почти во всех он странах побывал.
Везде востребованным был и нужным.
Его весь мир с восторгом принимал.

Везде его встречали, как родного.
В своей стране или за рубежом,
Его живое авторское слово
Пороки, словно резало ножом.

Конечно, не был он сверхчеловеком.
Он был с ранимым сердцем и душой.
Он в ногу со своим двадцатым веком
Прошёл дорогой трудной и большой.

Есть в каждом веке гении, злодеи.
Но наш двадцатый, он – особый век.
В нём есть свои «атланты» и «пигмеи»,
И в нём родился Мира человек.

Всё, что создАл он, просто невозможно
Прочесть, пересчитать, «переварить».
И говорить о нём, конечно, можно.
Но, вот нельзя о нём не говорить.

Всё было: и предательство, и зависть,
Но негатив к нему не приставал.
Своих врагов он побеждал стихами,
Сонетами нападки отражал.

Он – литератор. В том его стихия,
Подвластно все, ограничений нет:
Стихи и проза, и драматургия,
Сценарий кинофильмов и балет.

И если предложил бы мне кто-либо
Лишь в двух словах сказать, что он «атлант»,
То первым словом я б сказала: «глыба».
Второе слово было бы «талант».

Он был аварцем верным Дагестана
Он дагестанцем был в родной Москве.
А за границей, как звучит ни странно,
Гамзатов – русский, это знали все.

Какое б ни было дано названье.
Но ведь никто ж его не повторит.
То, от природы, видно, обаянье,
И яркий от народа колорит.

Мы на Кавказе с вами все бывали.
Что память наша воссоздаст сейчас?
В ней – тосты горцев, скрежет острой стали,
Лихой лезгинки яркий перепляс.

И в ней – история страны былая,
Вдруг оживает живо каждый раз
И сразу в памяти у нас всплывает:
Хаджи-Мурат, Шамиль, Расул, Кавказ.

Когда стихи Гамзатова читаю,
Я чувствую сомнения укол,
Что мать его – не женщина земная,
А сам он к нам из космоса пришёл.

И повторять могу я неустанно:
В плеяде звучных – он такой один.
Расул Гамзатов – гордость Дагестана
Он – сын Цадасы, Мира гражданин.

Цадаса и Гамзатов – два поэта.
Навстречу с сыном новый теплоход,
Пока Гамзатов странствует по свету,
«Гамзат Цадаса» по морям плывет.

Отец и сын. Им так необходима
Такая схожесть жизненных дорог.
Расул – в Японии с визитом в Херасима,
«Отца» приписка – порт Владивосток.

Пожалуй, в мире не было поэта,
Кто б был так почитаем и любим.
Вот нет его, но, не смотря на это
Он нам, по-прежнему, необходим.

И баловнем судьбы он вовсе не был.
Он шёл тропой горною своей.
Любил аварское, родное небо,
С почтеньем горца славил матерей.

Двух братьев забрала война шальная.
Рубцы на сердце матери легли.
Лишь, стаею над Цадой пролетая,
О них напоминали журавли.

Так, журавлиный клин вверху когда-то,
Вдруг прошумит над каждой головой.
И ты поймёшь: поэт Расул Гамзатов –
В нём есть вожак, не просто рядовой.

Жизнь поэта – это не мгновение
Навсегда, навечно – он кумир.
А Расул Гамзатов – то «явление»,
Что с диапазоном – целый мир.

Целый мир его знает и любит,
Его жизнь, словно звёздный полёт.
И пока не земле будут люди,
Его слава в веках не умрёт.

И я ещё скажу вам откровенно,
От тех, кто, как и я, блуждал во мгле:
«Спасибо Богу, Солнцу и Вселенной
За то, что жил Гамзатов на Земле».

Раздел 2. Слово – Людмиле Скрипченко

Незадолго до начала войны Людмиле исполнилось два года. Людмила родилась 15 апреля 1939 года. 9 Мая 1945 года, в Первый День Победы, Людмиле было шесть лет.

Короткая проза. Воспоминания из детства.

Война

Я родилась за два года до начала войны. Поэтому в моей памяти яркими вспышками сохранились лишь отдельные эпизоды из жизни детворы нашего двора, родных, знакомых и незнакомых людей небольшого сибирского городка.

Что-то было рассказано взрослыми и так слилось с воспоминаниями, что стало неотделимо от пережитого, увиденного.

Эти воспоминания и смешны, и грустны, и трагичны. Но все они, как куски лоскутного одеяла, составили общее полотно тех незабываемых лет.

Милое, наивное, далекое детство...

Жаворонок

Помню длинный дощатый тротуар вдоль дороги. Иду, не замечая ничего и никого, потому что в ладонях несу перед собой «жаворонка», настоящую белую булочку, испеченную в виде птички, с двумя глазками-изюминками. Вкуснее не могло быть ничего на свете! От одного запаха текли слюнки. Осторожно лизнула глазок, потом другой. Снова лизнула.

Глазки как-то неожиданно исчезли, зато под ними были сладкие ямочки. Не заметила, как исчез весь «жаворонок». Кто, когда дал мне эту первую после окончания войны булочку, не знаю. Но воспоминания остались до сих пор.

Курица

На хозяйственном дворе нашего двухэтажного дома были деревянные сараи. Их в Сибири называли «стайками». Там хранили дрова, уголь и всякий хлам, а кое-кто держал домашнюю живность. У нас осталась одна-единственная курица, очень ручная, любимица детворы. Как-то весной я вынесла ее на парадное крыльцо. Вся детвора отвела душу: кто погладил, кто подержал в руках

пестренькую курочку. Я осталась одна, прижимая ее к груди.

Вскоре подошли двое незнакомых мальчишек-подростков и заговорили со мной:

– Какая хорошая, да она, наверное, голодная, твоя курица! Давай, мы подержим, а ты принеси ей что-нибудь поесть!

Мне не было и пяти лет, поэтому с готовностью отдала свое сокровище и побежала за кормом. Когда вернулась, то не было ни мальчишек, ни курицы, которая прожила с нами всю войну...

Так состоялся один из первых, самых обидных и коварных обманов в моей жизни.

Орден

Это было в год Победы. Мы с подружкой Галей, которая была на два года старше меня, часто играли вместе и пели песни – фронтовые, народные русские и украинские, старательно выводя мелодию в два голоса.

Взрослые улыбались и похваливали нас. Мама Гали, малограмотная женщина, сидела дома с четырьмя маленькими детьми, отец работал осмотрщиком вагонов.

Девочка ходила к отцу на работу, носила ему обед.

Однажды ее мама, потрясая бумажкой, возбужденно говорила во дворе:

– Моей-то Галке орден дали!

Соседи удивленно разглядывали бумажку, пока не выяснилось, что это был талон-ордер на ботинки, который Гале выдали за участие в концерте, где она пела песни.

Вскоре она ходила в новеньких черных ботинках с длинными шнурочками-бантиками.

Вот такой «орден» получила голосистая Галя.

Рыба

Бабушкин дом стоял в переулке, который спускался за огороды, к речушке.

Здесь было раздолье – мы купались, ели луковицы саранок, корни камыша, «медвежьё» дудку, стручки желтой акации, ловили и жарили на костре раков. Есть хотелось всегда.

Здесь же рвали в конце огородов крапиву и лебеду для супа. Сибирь была не богата на овощи и фрукты. Иногда от взрослых слышали, что где-то умер ребенок, наевшись «боярки» или белены.

Старшие дети знали эти растения и строго оберегали малышей от опасности.

К речке ходил старик-рыбак. Он ставил «мордуши» и ловил гольянов. Все завистливо

смотрели, как он нес в руке ведро с рыбой, когда на дне, когда почти до половины. Бабушка частенько наказывала нам караулить его, чтобы упросить продать два-три стакана рыбы. Да, рыбу продавали стаканами, так как она была в нашей речушке размером с палец и меньше.

Потом ее чистили, выдавливая кишки через брюшко, которое с треском лопалось. «Жарили» рыбешку на воде и ели с головами. Я головы не ела.

Было жутковато жевать их, так как мне казалось, что они смотрят на меня белыми вареными шариками глаз.

Зато брат и сестра наперебой расхваливали рыбку. Ах, как же было вкусно!

И голод на время отступал.

Подарок

В наш деревянный двухэтажный дом поселили семью эвакуированных: старенькую бабушку, строгую черноволосую женщину – врача и высокую худенькую девочку лет десяти.

Звали девочку Клара. У нее были длинные косы и большие черные глаза, всегда очень печальные.

Скоро мы все узнали, что ее папа – летчик, и он пропал без вести.

У эвакуированных было мало вещей, а у Клары совсем не было игрушек.

Мы сразу подружились с новенькой, и всем хотелось с ней играть. Особенно оказывал ей различные знаки внимания сверстник Клары, Ленька, из соседнего подъезда.

Он был сорванец и всегда ломал наши глиняные вазочки, которые мы лепили сами, разбрасывал баночки и коробочки. Но Клару он не трогал и выкручивался перед ней, как только мог.

Однажды Клара вынесла три крошечные розовые уточки. Таких мы сроду не видели.

Она сказала, что у нее день рождения, а уточек слепила мама из розового порошка, из которого делают слепки-форму для зубов. Пока мы разглядывали чудо-уточек, Ленька исчез.

Потом он появился, подошел к Кларе и сунул ей что-то в руки:

– На, тебе.

И тут же убежал, весь красный. А девочка растерянно держала в руках развернувшиеся настоящие взрослые чулки длиной в ее рост.

Все девочки замерли. Это было целое богатство! Клара свернула чулки и положила на бревно, рядом с нашими «домами» и «магазинами».

Все успокоились и стали опять играть. Леньки так и не было. Вдруг раздались крики:

– Ах, паршивец, я только справила себе фильдекосовые чулки, а он подарки дарить!

К нам подбежала мать Леньки.

Клара смущенно, но с достоинством протянула ей подарок:

– Вот, возьмите, пожалуйста.

Женщина села на бревно, заплакала и обняла Клару:

– Девочка моя, я еще никогда не носила таких чулок...

Дядя Ваня

В доме у бабушки, у окна, на маленьком столике, покрытом кружевной самодельной скатертью, с некоторых пор появилась фотография симпатичного парня с веселыми карими глазами.

Он был снят крупным планом до пояса, в белом маскировочном халате, с автоматом на груди. Это был наш дядя Ваня.

– Он у нас разведчик, – с любовью и тоской в голосе, поясняла бабушка, тяжело вздыхая.

Мы с двоюродными братом и сестрой шикали друг на друга, отвоевывая право

первому подержать фото. Его вставили в рамку и бережно хранили.

...А потом пришло горе. Была похоронка и письмо от друга дяди Вани, в котором тот писал, что дядя погиб на реке Волхов при возвращении с задания.

Плыли на лодке, и снаряд упал дяде на колени. Он еще своими руками пытался собрать внутренности...

– Дяде Ванечке оторвало животик и ножки, поэтому он снялся только до половины.., – жалостливо кривя губы, шептались мы.

Дяде было девятнадцать лет...

Нелли «Беда»

Тетя с дядей жили в деревне. У них было шестеро детей. Последняя девочка родилась через неделю после начала войны.

Отец, уходя на фронт, подержал новорожденную дочку на руках и сказал:

– Назовите ее Беда!

Но старшие дети дали ей имя Нелли, взятое из прочитанной книги.

Дядя погиб в первые же дни войны. Всех шестерых подняла тетя Матрена, работая в колхозе и помня наказ мужа:

– Детей сбереги. Вернусь – вместе воспитаем хороших людей. Погибну – будет вам почет и слава.

Было в деревне триста дворов. Уходили воевать семьями: отцы, сыновья, зятья. Вернулись с войны только два покалеченных хозяина.

А вдовы и матери не хотели верить похоронкам до конца отпущенных дней и все ворожили на картах, и долго им выпадало, что вроде бы живы где-то кровинушки...

А Нелли выросла и стала учительницей, получив единственное наследство от отца – горькое прозвище «Беда».

Сапоги

Сапоги в семье были одни на всех. Надевали их по очереди, да и то лишь те, что постарше и могли помочь по дому в холодное время.

Остальным достались лапти, драные ботинки и калоши, перевязанные через подошву веревкой. В такой обуви долго не погуляешь, хорошо бы до школы добежать.

А в школу хотелось, хотя и писали свекольным соком на газетной бумаге, забеленной известью. Зато как же было интересно учиться!

Тетя Матрена ходила в сапогах на ток. По теплу работали босиком, но когда шли домой, насыпали в обувь немного зерна, так, чтобы не видно было.

Шли, стараясь не хромать. А дома зерно мыли, запаривали и ели. Бригадир же делал вид, что ничего не замечает.

Спасибо, добрый был бригадир, помог выжить.

Мать

Страшно матери смотреть на голодных детей. Как хоть чем-то заглушить голод, если их шестеро, а надо работать в колхозе, отдавая все силы?

До весны своей картошки не хватало, а на посадку шли очистки с глазками. Весной жевали сочные сосновые побеги, травку-кисличку, собирали мерзлую картошку на полях, что обнажилась после зимы.

Потом начинались покосы. Работникам в обед давали похлебку и четыреста граммов черного, но настоящего хлеба.

Мать заранее договаривалась с детьми, чтобы они приносили ей травяную лепешку. Она взамен отдавала свой хлеб.

До того времени, когда она вернется, дети ждать не могли. Бережно несли старшие

домой драгоценный кусочек, а потом на всех делили до последней крошки.

Мать часто задерживалась в поле после работы: собирала мало-мальски съедобные растения, а то и созревающие зерна пшеницы, которые прятала в бутылку. А бутылку несла домой под юбкой на веревке, обвязав вокруг себя. Если поймают – не увидит она больше своих детей, которых всю жизнь учила не брать чужого...

Молитва

Моя тетя прожила долгую жизнь. Но никогда, рассказывая о военных годах, она не могла говорить без слез.

Никогда не переставала удивляться: как смогли выжить? Ведь бывало так, что мать желала смерти своим детям.

Кругом разруха, нечего есть, нет никаких лекарств в далекой заброшенной деревеньке, а дети заболели тифом.

Мать мечется между ними, умирающими, отпаивает отваром трав, принесенной соседями сывороткой, стараясь сбить температуру и облегчить их страдания. А потом бросается на колени перед иконой и молится о том, чтобы Бог послал им всем избавление – смерть...

Но Бог не принял Святую Молитву Матери. Живы ее дети. Видно, нет на ней тяжких грехов.

В войне участвовали все

О войне писали и пишут много и по-разному. Тема войны нескончаема. Боль и скорбь в сердцах несут уже несколько поколений. А потерянные жизни? Кто скажет, сколько загублено талантов: учёных, музыкантов, артистов, инженеров, мастеров, ремесленников и просто людей, которые хотели ЖИТЬ! Никто никогда не узнает, о чём они думали в последние минуты своего пребывания на этой земле... А многие даже не успевали подумать... В той страшной войне участвовали все – солдаты действующей армии, женщины и даже дети. И нет в нашей огромной стране семьи, которая не пострадала бы от проклятой войны! Проходит время.

Боль утраты притупляется, отступает. Мы воспринимаем жизнь, как нечто само собой разумеющееся. Но не дай нам Бог забыть тех, кому мы обязаны самим своим существованием. Пока ещё живы седовласые участники войны, узники концлагерей и дети войны. Всех их и нас объединяет один Священный Праздник – Победа!

Стихи от Людмилы Скрипченко

Матерям войны

Мать счастливой была.
Семерых родила!
Сыновья – на подбор!
Шумом полнился двор...

От сохи и земли
Работяги росли.
Выходили гулять –
Поражала их стать!

Годы детства прошли.
Сваты, свадьбы пошли...
Им бы жить-поживать
Да пришлось воевать...

Первым сгинул отец,
Пехотинец-боец.
Мало он воевал,
Так, без вести пропал...

Сыновья вслед ушли
И исчезли вдали...
Сердце сжалось в комок,
Лишь стонало: «Сынок!»

А с чужбины-земли
Похоронки всё шли...
И не ведала Мать,
Где могилки искать...

Всех война забрала,
Ненасытной была!
Только младший, Степан,
Умер дома от ран...

И за всех, к одному,
На свиданье к нему
Шла иссохшая Мать,
Чтоб могилку обнять...

В чёрном, скорбном платке,
Всё сжимала в руке
Незабудок букет –
Всем кровинкам привет...

Собирала девочка цветы

Собирала девочка цветы,
Васильки и белые ромашки,
Рядом тень скользнула с высоты
В поле, на краю овражка.

А вокруг сиял июньский день...
Шёл фашист на бреющем полёте,
Хищным взглядом выбирал мишень,
Полный диск патронов в пулемёте.

Самолёта рёв взорвал покой...
Вскинув белокурую головку,
Помахала девочка рукой
И упала на траву неловко...

Развлекаясь, фриц срезал кусты,
Девочку увидел на дорожке...
Кровью окроплённые цветы,
Выпали из маленькой ладошки...

А фашист, довольный, улетел,
Больше ничего ему не надо.
Много впереди кровавых дел,
За которые получит он награды...

До Победы было далеко

До Победы было далеко...
А война стояла на пороге.
Жили мирно мы, пусть нелегко,
И пока не ведали тревоги.

Дни бежали дружной чередой,
Кто трудился, кто плескался в море...
И ещё не встретились с бедой,
О большом ещё не знали горе...

Лагеря, Освенцим – всё потом,
Узников истлевшие одежды...
Поезда с людьми как со скотом,
А пока – любовь, мечты, надежды...

А пока горнист играет сбор,
Строя пионерские отряды,
Так, играя, дети шли в дозор,
Словно пограничные наряды...

И не знали: завтра воевать
Их отцы уедут на рассвете...
В тридцать лет вдовою станет мать...
Сколько их, таких, на белом свете!

Всё потом, когда-то, а сейчас
Духовой оркестр и танцы в парках...
Выпускной погиб десятый класс
Позже. Полностью. В сраженьях жарких.

Это будет позже. А пока
Смех, улыбки, радостные лица,
Вместо дирижаблей – облака
Проплывают над родной столицей.

Будут позже Брест и Ленинград,
Крематорий... газовые печи...
А пока шагали на парад,
Гордо расправляя свои плечи!

Позже и Хатынь, и Бабий Яр,
Вой сирен, усиленный с рассветом,
Охватил страну войны пожар
Этим страшным сорок первым летом...

Так фашизма чёрное крыло
Всё паучьей свастикой закрыло...
Миллионы жизней унесло,
Но России духа не сломило!

Выходил солдат на парад

Ровно семьдесят лет подряд
Выходил солдат на Парад.
На мундире его ордена,
И давно отгремела война.

Шёл седой солдат на поклон,
Нёс в груди своей скорби стон
По друзьям своим боевым,
По товарищам фронтовым.

Память сердца крепка, как гранит,
И навеки она сохранит
Эти лица и имена,
Всех, кого забрала война...

Ровно семьдесят лет подряд
Выходил солдат на Парад!
Шёл солдат в поредевшем строю,
Прославляя Отчизну свою!

Мы шли к Победе всей страной

Мы шли к Победе всей страной,
А враг стоял сплошной стеной.
Сражались мы за каждый дом,
За счастье мирной жизни в нём.

С куском голодного пайка
Трудились дети у станка.
Снаряд, что бил наверняка,
Точила детская рука...

Ещё Победа не видна,
Ещё вокруг была война,
Кружил пожарищ чёрный дым,
Но знали мы, что победим!

И вот, седьмой десяток раз,
Победу празднуем сейчас!
И славят Русь колокола,
Чтоб вечно Родина жила!

Не дождалась

Разруха. Голод. Тиф. Война.
И шестеро детей.
Осталась с ними мать одна
И с фронта ждёт вестей.

Отец воюет далеко,
Просил, чтобы ждала,
Знал, будет очень нелегко,
Детей чтоб сберегла.

Писала мужу: «Всё стерплю,
Ты только возвратись!
Об этом Бога я молю!
Родной, в бою держись!»

Старалась отвести беду,
Ночами не спала,
Варила детям лебеду,
Спасала, как могла...

С тех пор прошло немало лет...
За труд любой бралась.
Детей спасла. А мужа нет...
С войны не дождалась...

На войну уходила девчонка

На войну уходила девчонка...
Не хотела она умирать.
Только вскоре пришла похоронка,
И хранила всю жизнь её мать...

А ещё она косы хранила,
Косы русые дочки своей...
Их обрезала, как уходила,
На закате тех памятных дней...

Ах вы, косы, вы девичьи косы!
Для красоты и любви вы росли
И впитали рассветы и росы,
Запах трав, ароматы земли...

На ромашке она не гадала,
Не успела ещё полюбить,
И невесты венки не сплетала,
Чтоб на счастье по речке пустить...

Не уложат вас, косы, коронкой,
Не распустят по нежным плечам...
Воевать уходила девчонка,
Тихо плакала мать по ночам...

Ветеранам

И снова май, и снова День Победы!
Давно отстроены дворцы.
Казалось, отступили беды,
Все ноют раны и болят рубцы...

Родные, вас осталось мало,
И снятся вам все те же сны,
Пронзает память болью жало
Не забываемой войны.

Для нас героями вы стали,
Вы все одной дорогой шли –
Родную землю защищали!
Поклон вам низкий до земли!

За двадцать миллионов жизней,
За муки тяжкие людей,
Мир уберечь вам и Отчизне
Клянемся жизнью мы своей.

Покой пусть будет нам неведом,
И он настанет, этот час,
Когда отпразднуем Победу
Мы двадцать миллионов раз!

Награды деда

Перебираю ордена
И письма, и медали...
Загрохотала вновь война
Из той далекой дали...

В Победу верили тогда
И не было сомнений,
Осело в сердце навсегда
Проклятье поколений.

Уж потускнели ордена,
И письма все истлели,
Но каждый год: «Война, война!»
Слова в эфир летели.

И вдовы уж мужей не ждут.
Да сколько их осталось!
Воспоминанья сердце жгут,
В глазах – тоска, усталость

И тихо-тихо говорят
Со мной награды деда...
Пусть светит вечно, как заря,
Великая Победа!

Колокола

Звонят, звонят колокола,
В их звуках торжество и грусть.
Взметнулись в небо купола,
Сынов оплакивает Русь...
Там полегли ее сыны –
В лесах, болотах и полях...
О Родине им снятся сны
В чужих просторах и краях.

Смешались звезды и кресты
И на земле, и в небесах,
И льются звуки с высоты,
Священный прославляя прах.
Плывет без края и конца
Тревожный колокольный звон,
Людские души и сердца
Переполняет болью он.

Но в День Победы боль светла,
Кто возвратился, кто не смог,
К Победе жизнь и смерть вела,
Их позабыть – не дай нам Бог!

Пусть вечно бьют колокола,
И память вечной будет пусть!
И рвутся в небо купола,
И празднует Победу Русь!

Безымянным солдатам

Кто скажет точно,
Сколько вас осталось
В могилах безымянными лежать?
Лишь память прочно,
Несмотря на старость,
Сумеет имя друга удержать...

Друзья стареют,
Ведь они не вечны,
В небытие уходят навсегда,
Вдруг не успеют –
Время быстротечно –
И не засветит новая звезда...
Как эстафету
Передали детям
Солдатский и родительский наказ:
Искать по свету
Безымянных этих,
Чтоб позже не забыли и о нас.

...Святая сила
Вас вела когда-то
За Родину и счастье воевать...
Так и могила
Каждого солдата
Должна известной и святою стать!

Простите нас

Простите нас за ваши девятнадцать,
Простите нас за наши шестьдесят,
Что вам пришлось с любимыми расстаться
И вспоминать, как жены голосят.

Простите нас, что голубое небо
Над вами опрокинулось давно,
Что никогда ни вкус, ни запах хлеба
Вам больше ощутить не суждено...

Что довелось в атаки подниматься
И тысячу ночей подряд не спать,
За то, что не пришлось вам возвращаться,
Любить, дышать и поле засевать.

Простите нас, что Родина распята,
Что мы пришли, по сути, вникуда...
Простите нас, товарищи солдаты,
Что мы теперь как будто господа...

Простите нас за жизнь лихую, братцы,
Пусть слезы памяти нам душу оросят,
Простите нас за ваши девятнадцать,
Земной поклон за наши шестьдесят!

Просто герой

У рейхстага солдат,
Молодой паренёк.
На груди автомат,
За спиной вещмешок.

Шёл солдат налегке:
Письма, кружка, паёк,
Сбоку, на ремешке,
Фронтной котелок.

С воем, с визгом рвала
Воздух в клочья шрапнель
И навывлет прожгла
На солдате шинель.

Трижды ранен в бою,
Ордена заслужил,
Помнил маму свою,
Он так мало с ней жил...

И в Москве не бывал,
Да и он ли один!
Всё с боями шагал
Прямым на Берлин!

От российской земли
Километров – не счесть!
Неужели дошли?..
Неужели мы здесь?..

От войны так устал...
Жаркий выпал денёк!
Но героем он стал.
Он, простой паренёк!

Лакримоза

*Это стихотворение написано
под впечатлением фильма
«Иди и смотри», в котором
звучала музыка Моцарта,
часть из «Реквиема» – «Лакримоза»,
т.е. «Слезная» (1986 г)*

«Лакримоза» звучала в зале,
На экране была война.
Вся в слезах, блестела глазами
Небывалая тишина...

«Лакримоза» впивалась в память
Никогда не прощенной виной!
И вставали вновь перед нами
Искалеченные войной.

«Лакримоза» стучалась в души,
Обжигала болью сердца.
Ты иди. И смотри. И слушай.
Будь с погибшими до конца...

«Лакримоза» звенела мезтью
И стонала, тоски полна...
Над девичьей поруганной честью
Проликала слезы она.

«Лакримоза», кровавое знамя!
Слышишь, дети в огне кричат!
Пусть горит земля под ногами
Распроклятого палача!

«Лакримоза» печальной птицей
Все летит и летит в облаках...
Вновь из пепла поднять стремится
Матерей с детьми на руках...

«Лакримоза» врывается в души,
Словно концлагерей набат!
Ты иди! И смотри! И слушай!
В жизни каждый из нас солдат,

«Лакримоза» в веках нетленна,
Эхом павших в огне отзовись!
Не забудь. Помни всех поименно,
Светлой памяти поклонись...

«Лакримоза» зовет: «Люди!
Над планетою снова беда!
Пусть войны никогда не будет!
Никогда! Никогда! Никогда!»

Песенное творчество Людмилы Скрипченко

Район наш Вяземский

Среди сопок Сихотэ-Алиня
Вяземский раскинулся район.
От рожденья своего поныне
Красотою покоряет он.

Припев:

Расцветай, наш район, расцветай,
И о будущей жизни мечтай!
Здесь сопки синие, а люди сильные,
Район наш Вяземский, любимый край!

С давних лет упорно, год от года,
Заселяли землю казаки.
Их ждала суровая природа
На притоках Уссури-реки

Припев.

За Россию, полные тревоги,
Вдоль границы ставили посты,
На болотах строили дороги,
Через реки возвели мосты.

Припев.

Славен он талантливым народом,
Трудовую доблесть бережет,
Для страны готовит лесоводов
И границу зорко стережет!

Припев.

Он богат таежными дарами,
Что под небом солнечным растут,
Славен он полями и лугами,
Здесь в озерах лотосы цветут!

Припев.

Песня про казака

По степи сухой, ковыльной
С песней по дороге пыльной
Во станицу у реки
Едут, едут казаки...

Припев:

Раскудрявый вьётся чуб,
Ох, казак казачке люб,
И усы, и борода –
Эх, красавец, хоть куда!

Много дней казак скитался,
Он за Родину сражался,
Бурка в стужу и метель –
Ему крыша и постель!

Припев

Сердцем рвётся казак к дому,
К куреню, навек родному,
Уж видать родной плетень,
А папаха набекрень!

Припев

Разметался чуб кудрявый,
Лихо скачет казак бравый!
Смотрит верная жена
На медали-ордена!

Припев

Георгиевская ленточка

Мы сегодня в праздничном наряде,
Мы сегодня в праздничном строю,
Выступаем снова на параде,
Поздравляем Родину свою!
Ту войну в России не забыли,
Нас сплотила общая беда.
И опять весь мир объединили
Тридцать сантиметров навсегда!

Припев:

Георгиевская ленточка,
Великой битвы весточка,
В ней – цвет огня и пороха,
Победы над врагом!

Кто к нам с мечом заявится –
В земле лежать останется,
Ведь Русь непобедимая,
Наш общий отчий дом!

От Москвы до самого Берлина
Кто-то шел, а кто лишь мог ползти,
Но одним желаньем кровь бурлила –
От фашистов Родину спасти!
И теперь тот славный путь Победы
Весь на сантиметры поделен.
Если надо – как отцы и деды
Встанем все в единый батальон!
Припев.

Раздел 3. Слово – Валерию Симакову

В начале войны Валерию было чуть больше года. Он родился 14 марта 1940 года. В Первый День Победы, 9 Мая 1945 года, ему уже исполнилось пять лет.

Редакция альманаха добывает от наших ветеранов информацию о себе разными способами: из устной беседы и в ходе переписки по электронной почте, письменно формулируя те или иные вопросы.

На вопросы, рассказать о дне начала войны и о Первом Дне Победы, Валерий

Иванович прислал письмо. Практически не редактируя текст, решили, что, в принципе, это небольшой очерк «О себе». Так появилась эта короткая проза.

О себе

Родители и родители моих родителей переехали на Дальний Восток в 1935 году. Мама из семьи астраханских рыбаков, отец – из семьи рабочих из села Кулебаки Нижегородской губернии (области). Осели в селе Солонцы (рыбозавод и рыбоколхоз) на Нижнем Амуре.

Родился, я, как вы знаете, 14 марта 1940 г. В 1939 году отца забрали в Армию.

В это время он служил в посёлке Де-Кастри в пограничных войсках. В 1940 году я сильно заболел (это мне рассказывала мама). Мама вызвала отца. Поскольку я был первенец, отец отпросившись у командования, срочно приехал. Благо расстояние невелико – до 250 км. И как я только выздоровел, он забрал нас с мамой в Де-Кастри.

Так я буквально с первых дней войны стал «сыном полка».

Пробыли мы в Де-Кастри до 1947 г. – в звании старший лейтенант (по должности – зам. командира роты) отца демобилизовали из Армии.

Годы жизни в Де-Кастри и на Круглом (противоположный берег залива Де-Кастри (Сейчас Чихачёва) я хорошо помню с 3-4 лет.

Помню, как мы на полигоне собирали винтовочные и пулеметные патроны, разбитые карабины, гранаты, как затем на берегу залива разжигали костры и бросали в огонь костров патроны и гранаты и мчались за край скал, а потом прыгали от радости от пальбы разрывающихся патронов и гранат.

Всё было, как у мальчишек моего времени.

Часто бывал в роте у отца, тесно общался с бойцами.

День 9 Мая 1945 г., конечно же, помню. Часов в 9-10 утра в гарнизоне, где мы жили, объявили воздушную тревогу.

Неистово орали сирены. Мы же стояли на границе с Японией. Половина острова Сахалин тогда принадлежала японцам. Часто бывая на берегу Татарского пролива, мы из-за кустов наблюдали за японскими кораблями.

Так вот, объявили боевую воздушную тревогу и мать, схватив нас с братом, вместе с другими семьями бросились в бомбоубежище: оно было расположено в лесном массиве недалеко от нашего барака.

В бомбоубежище было холодно и очень сыро. В нем мы просидели часа 2-3.

И вдруг объявляют: «Победа. Германия капитулировала!»

Конечно, я тогда этих слов не знал.

Мы все выскочили из бомбоубежища и что тут началось! Открылась такая пальба – откуда что взялось.

А мы с отцом и другими офицерами его роты прошли на высокий обрыв залива Де-Кастри, где взрослые устроили гранатометание в воды залива. Было тоже красиво и незабываемо.

Вот так, Галина Александровна.

Стихи от Валерия Симакова

**Кому то надо было покалечить
мировоззрение мое**

Вдруг мелкий дождь.
Все молоком покрылось.
Страна опять
У бездны на краю,
И сердце, как
Динамо, закрутилось,
И свет упал
На голову твою!
О, те года?!
Великая Отчизна,

В глазах маячит
Светлый образ твой.
Ну, неужели
Мало было жизни
И радости
Тогда у нас с тобой?
Схватив меня,
Мне вывернули плечи.
Все ведь иначе быть
Тогда в стране могло!
Кому-то надо было
Покалечить тогда
Мировоззрение
Мое!

Спасите журавля

*композитору М.Журавлеву,
поэту В.Ераценко посвящаяю*

На Дальнем Севере
В забытой богом тундре,
Где в мае снег еще,
Где самый край Земли,
У озера под крик гусей:
– Полундра!
Я вижу,
Как танцуют журавли.
О, эти танцы!
Танцы до упаду!

В движеньях –
Выражение себя.
Когда во мне
Нет сил с собой поладить,
В себе я слышу
Голос журавля.
Их с каждым годом
Меньше все и меньше,
Танцующих под
Музыку полей.
Я заклинаю вас –
Мужчин, мальчишек, женщин –
Не трогайте напрасно
Журавлей!
Пусть будет мир
Живыми существами
Наполнен доверху,
Как в древности Земля.
Я мысленно танцую
С журавлями,
Себя преображая
В журавля.
Возьмите под защиту –
Пусть не боги вы! –
Природу
От технических себя.
Уже по пальцам птиц
Считают орнитологи.
Экологи,

Спасите журавля!
Ты слышишь песнь?
Махнув на все крылами,
Танцуют птицы.
Небо словно тир...
Весной и осенью
Мы с вами провожаем
Летящих их
В потусторонний мир.

Священная война

*«Вставай, страна, огромная,
Вставай на смертный бой
С фашисткой силой тёмною
С проклятою ордой!
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна.
Идёт война народная
Священная война!»*

Страна – как зал!
Мне кажется всё странным.
Какая связь меж залом и страной?
Поёт малыш – Арслан из Татарстана
И он даёт ответ на их вопрос и мой.

Пой, мой малыш:
Быть может, кто услышит.
И мы с тобой кураж переживём.
И вот тогда под этой самой крышей
По-новому как люди заживём!

«Как два различных полюса
Во всём враждебны мы.
За свет и мир мы боремся,
Они за царство тьмы.
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна.
Идёт война народная
Священная война!»

Какая сила!
О, какая в тебе мощь!
И сколько в ней
Любви, добра, тепла!
Я верю в твой
Свинцовый с кровью дождь.
Ты пой, Арслан!
Ты пой! Я слушаю, тебя...

«Не смеют крылья чёрные
Над Родиной летать,
Поля её просторные
Не смеет враг топтать.
Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей.
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,
Идёт война народная,
Священная война!»

О, сколько в ней
Любви, добра, тепла!?
Ты пой! Ты пой, Арслан,
Я слушаю тебя...

И снова Бога ищет Русь...

Была страна.
Ее народ
Не угодил Тому
Когда-то!
Тогда «опричник
Годунов»
Народ тот
Расстрелял из танков.
Надели на страну братья
Хомут,
И гики:
«Рашен, браво!»
За океаном хан «Батый»,
В России – его «Право».
От этой мысли,
Как не рвуть,
Не разорвать
Сознанием мнимым...
И снова ищет Бога Русь –
Боюсь! –
Опять в реальном мире.

Раздел 4. Слово – Изольде Казановой

В начале войны Изольде не исполнилось и года – это случилось под конец 1941 года, как раз в период переломного момента под Москвой при обороне столицы от фашистов. Изольда Казанова родилась 24 ноября 1940 года. 9 Мая 1945 года, в Первый День Победы, ей было четыре с половиной года.

Заметки о военном времени.

Во время войны наша семья жила на Дальнем Востоке; родилась я в конце 1940 года в Хабаровске, тогда была единственным ребёнком в семье, и в младенчестве я не ощущала тягот войны. Так как у отца была бронь, он в своё редкое свободное время успевал на вечерней или утренней заре поохотиться или порыбачить и рыбой или дичью снабжал всю родню. Более подробно об отце я написала в очерке *«Он был родом из амурских казаков»*, который был опубликован в осеннем номере *«Притяжение ДВ»* (2019г).

Весной 1944 года отца перевели в город Ворошиловград (ныне Луганск) для помощи в восстановлении объектов народного хозяйства. Город был сильно разрушен, но деревянный двухэтажный дом, в котором папе выделили

квартиру, удивительным образом уцелел. А рядом с нашим домом пленные немцы разбирали развалины кирпичных домов. И, помню, что на улицах было много беспризорных детей. Но почему-то меня отпускали гулять одну около дома. Летом я собирала укроп, который вырос от осыпавшихся семян между заборами частных домов и деревянными тротуарами. Война ещё не закончилась, никаких базарчиков не было, купить ничего нельзя, а менять нам было нечего. Мама стеснялась рвать укроп и посылала меня. Даже такая приправа, как простой укроп, придавала постной пище особенный «довоенный» вкус.

День Победы мы и встретили в Ворошиловграде. Помню, что день был пасмурный, но никому не сиделось дома. Мы шли втроём по улице, и нам встречались улыбающиеся люди. Больших толп не было, город частично обезлюдел. Я удивлялась, что некоторые плакали, плакали, но и улыбались. Вот это и была «радость со слезами на глазах».

Помню, что я спросила папу:

– И что, теперь нигде-нигде войны нет?

Он ответил, что может где-то и есть, а у нас нет.

– Мы победили!

Он сказал это твёрдо, уверенно, и даже я в свои четыре с половиной года ощутила гордость!

Осенью 1945 года отца перевели во Львов с теми же полномочиями. Жили мы за городом в двухкомнатной квартире трёхэтажного каменного дома, который до войны выстроил для своей семьи польский инженер. Он сам пропал без вести на войне, а в доме на третьем этаже жила его жена и две маленькие дочки. Одна была старше меня на год, а другая младше. Я подружилась с девочками, и они показали мне любительскую фотографию своего отца. Они всегда носили фотографию с собой. Приятный русоволосый улыбающийся мужчина сидел в траве на пригорке, обнимая дочку.

А я подумала: «Зачем он на войну пошёл? Теперь у девочек нет папы, а они так скучают по нему...»

Теперь-то я думаю, что он не сам пошёл, а был вынужден оставить эту мирную жизнь, любимую семью, уютный дом, прекрасный сад.

Часто к нам в дом стучались беженцы или жители окрестных сёл. Помню, зимой к нам пришла женщина в тонком халате и попросила что-нибудь поесть и какую-нибудь одежду. Она распахнула халат, а под ним – махровое полотенце, обёрнутое вокруг бёдер и больше

ничего. Сказала, что дом сгорел во время бомбёжки, живёт с детьми в сарае. Мама ей что-то дала. Вообще родители никогда никому не отказывали, всегда помогали, чем могли.

Трудно было с одеждой, всё что было, сносили за войну, а лёгкая промышленность на гражданские нужды ещё не работала. Хотя зимы во Львове тёплые (снег, если и выпадал, то быстро таял), но на ноги нечего было надеть. И мне купили «бурки». Шили их частным образом из старых телогреек, это такие чулки или скорее сапоги без твёрдой подошвы, на которые надевались калоши. Такую обувь носили и взрослые. В них ногам было тепло и сухо. Теперь я могла гулять на улице.

Иногда с мамой мы ходили на рынок, помню, что там были такие же развалы всякого мелкого барахла, как в наши девяностые годы. Старушки даже продавали какие-то старые поздравительные открытки с Новым годом, с Рождеством, с Пасхой. И мама купила несколько красивых штук (они у нас до сих пор хранятся), на оборотной стороне были поздравления на польском языке и марки. Мама говорила:

– Жалко людей, видимо, совершенно нечего есть.

А мне запомнился пожилой исхудавший и немощный человек. С трудом передвигая

ноги, он нёс с базара небольшую связку... даже не дров, каких-то круглых палок (видимо ветки кустарника).

– Купил, чтобы согреться, – объяснила мама.

А я очень удивилась:

– Как это? Дрова продают?

Я уже знала стихотворение Некрасова: «– Откуда дровишки? / Из лесу, вестимо./ Отец, слышишь рубит? / А я отвожу».

Мне стало его очень жалко, и я до сих пор помню, сгорбленную спину в синем выцветшем плаще...

Часто я слышала от взрослых фразу:

– Паны ругаются, а у холопов чубы трещат.

Потом поняла, что за все амбиции и глупости верховной власти расплачивается своими судьбами простой народ. Неважно, какой национальности.

В то время Америка оказывала нам гуманитарную помощь, присылали посылки с вещами. К папе на работу попала такая посылка, в ней оказались только детские вещи для девочки лет пяти. Так как больше ни у кого из сотрудников таких детей не было, посылку отдали папе. У меня появилось синее шерстяное платье и белое шёлковое. Вещи были немного маловаты, но носить ещё можно было. Но

главное – в посылке были чёрные лаковые туфельки.

В 1948 году мы вернулись в Хабаровск. И в этих туфлях, проносив их два года, я пошла в школу, ноги росли, пальцы вылезали, и когда я пошла в школу, они превратились в босоножки, а подошва совсем протёрлась. Папа подклеивал какие-то стельки, это помогало ненадолго. В продаже ничего не было, но в середине сентября мама купила мне чёрные туфли из сатина, сатин наклеивался на картон и из этого формовали обувь для женщин и детей. Носок туфля и ремешок были из кирзовой ткани. Я сразу выбросила свои «лакировки» и с большим удовольствием надела новые туфли.

Теперь я понимаю, как сложно было обувной отрасли после войны. Сырья нет, специалистов мало, план требуют. А план, в то время – был закон! За невыполнение плана директора могли и с работы снять и судить. Позже мне всё время покупали баретки из синей или зелёной бумаги. Цветная бумага склеивалась с картоном и из этого «сырья» формовали на колодках обувь. И эта обувь была даже не сшита, а склеена. Коричневая и чёрная бумага шла, видимо, на мальчиковую обувь. Через неделю на носках бумага обтиралась, и белые пятна приходилось замазывать акварельной краской и подмазывать их через

день. А в дождь туфли расплзались совершенно. Вероятно, обувщики были вынуждены внедрить технологию изготовления обуви для ритуальных услуг. (Это я сейчас так понимаю).

Многие мои одноклассницы весной, осенью и зимой носили резиновые ботики; зимой с толстыми носками. А мальчики, в основном, круглый год носили кирзовые сапоги.

Зимой дети, (чаще мальчики), ходили в школу в отцовских телогрейках. Кто умел, те что-то перешивали детям. У нас была знакомая портниха. И она сшила мне зимнее пальто из папиного довоенного пиджака какого-то бурого оттенка. Правда, его через месяц украли в школьной раздевалке. Но ни у кого я этого пальто в школе не видела, видимо, продали.

Наша начальная школа №7 стояла на углу улиц Брестской и Джамбула (в Хабаровске). Одноэтажное деревянное здание в виде буквы «Г», одна сторона – по улице Брестской, другая – по улице Джамбула. Теперь там находится пустырь перед «Клиникой Глаза».

В эту школу ходили дети рабочих нефтеперегонного завода им. С. Орджоникидзе. Дети были различных национальностей, но никогда никакой вражды, никаких драк на этой почве не было, и даже в старших классах. Мы

твёрдо усвоили, что все люди братья! При школе была автономная кочегарка, но в некоторые дни мы сидели в пальто, и чернила замерзали в непроливашках – топить было нечем, батареи едва теплились, лишь бы не заморозить систему. Это не воспринималось, как ЧП, это были естественные трудности, школу не закрывали, да и болели мы мало, никаких эпидемий, как сейчас не было.

Однажды на площадке перед заводом выгрузили целый состав сои, там был не один вагон, эта громадная куча сои так и лежала под открытым небом, никто не охранял. Наверное, кто-то из верховных правителей услышал, что из сои можно вырабатывать нефть, закупили где-то и прислали.

Но, ведь для этого необходимо другое оборудование и не та технология, что была на нашем заводе. Мы лазали по этой сое, как по куче песка, потом люди сообразили, что её можно и есть. По дороге в школу мы делали крюк к этой куче, набивали карманы немывыми, твёрдыми, как камень, горошинами и жевали на уроках. Учителя не ругались. Даже говорили, что это полезный белок. Сырая – она была не вкусная, но, если её обжарить, вкус улучшался. Некоторые набирали эту сою вёдрами и кормили скот. Сейчас-то мы знаем, что, если сою двое суток вымочить, а потом часа четыре

варить, из неё можно приготовить вкусный и питательный продукт.

На улицах много было инвалидов – участников войны, на костылях, на протезах, представлявших из себя простую деревяшку. При отсутствии двух ног родственники или знакомые сооружали им «коляску» – к дощатой площадке прикреплялись четыре колеса из подшипников, на руки надевались деревянные колодки, человек, сидя почти на земле, отталкивался этими колодками, так и передвигался.

В начале пятидесятых годов при заводе началось активное строительство жилых домов. Бараки расселялись, квартиры распределялось рабочим и ИТР, конечно, в первую очередь – участникам и инвалидам войны. Построили два продуктовых магазина и промтоварный, банно-прачечный комбинат. Видя такое активное строительство во благо народа, все работали с большим энтузиазмом.

А мы – школьники, начиная с четвёртого класса, принимали активное участие в озеленении территории, ведь во время войны очень много деревьев вырубали для отопления домов. Трудно было выдалбливать ямки в скальном грунте, но это была работа для мальчиков.

В послевоенное время День Победы не был выходным днём, но его отмечали в семьях, по радио было много передач, посвящённых и воинам-героям, и рядовым, передавали песни военных лет. Праздник был в душе каждого.

P.S. В 2015 году, в День семидесятилетия Победы, я решила сходить на городской праздник. По телевизору постоянно перед этим рассказывали, какое это будет грандиозное действо! Со всех прилегающих улиц народ шёл к площади Ленина. Там уже стояла милиция, улицы были перекрыты ограждениями. Начался парад техники, потом пошли колонны организованных демонстрантов. Люди на обочинах стояли плотными толпами, многие были с детьми. Мы все надеялись, что, когда пройдут последние демонстранты, нам разрешат влиться в этот праздничный поток.

Но, нет. Как только прошли последние колонны, сразу же выехали машины по уборке улиц. А нас по-прежнему не выпускали, мы стояли как скот в загонах.

Тут все вспомнили кинохронику про первый День Победы в Москве.

После пленных немцев улицы мыли такими же машинами; нас этими машинами отодвигали от праздничной демонстрации. Стоявший в оцеплении капитан милиции объяснял, что это необходимые меры для

предотвращения терактов. А люди ему отвечали, что, если бомбу бросить в плотно стоящую толпу, жертв будет гораздо больше.

И только, когда последняя колонна скрылась за углом бывшей партшколы, оцепление сняли и все, кто хотел пошли к площади Славы. Там было продолжение праздника. Но, площадь Славы тоже была перекрыта...

И пока руководители края и города не уехали с площади в своих бронированных и тонированных машинах, нас не подпустили ни к стелам с именами погибших героев, ни к вечному огню. Как же можно так бояться своего народа!

Больше на массовые праздники я не ходила.

Амурский Сокол

На улице Тургенева в Хабаровске в районе Затона жил с мамой, сестрой и отчимом Иван Усачёв – Ванюшка, как звали его все родственники. Был он пионером, был активным комсомольцем, играл в футбол, собирал металлолом, сажал деревья с одноклассниками, в шестнадцать лет записался в аэроклуб при ДСААФ. В 1941 году окончил десять классов и

вместе с аттестатом получил характеристику и путёвку в лётную школу.

Боевые самолёты начал осваивать в Ленинск-Кузнецке, затем в Черногорске. Скучал по дому, регулярно присылал письма и фотографии. Вот он снят в форме курсанта училища, на голове пилотка, вот в шлемофоне, вот с друзьями у самолёта: шлемофоны сдвинуты на затылки, чубы (по тогдашней моде) выются по ветру, смеющиеся, счастливые от того, что молоды, что скоро сбудутся мечты – их отправят на фронт, бить врага! А вот он уже в форме младшего лейтенанта. Часто моя бабушка рассматривала эти фотографии, а я с детства знала, что мой дядя – лётчик.

В январе 1943 года Иван окончил училище и был рад, получив назначение на Ленинградский фронт, куда непросто было попасть молодому лётчику.

Он очень гордился, что летает на истребителе, что именно истребители сопровождают наших разведчиков Пе-2 и Ил-2 и наших бомбардировщиков Ту-2, попутно штурмуя живую силу противника, ведя бои с «мессершмиттами» и «брустерами».

Много раз вылетал он на прикрытие своих войск на переправах, по линии фронта, одновременно обстреливая зенитную артиллерию врага.

Прошёл год, и настали счастливые дни, дни салюта в честь освобождения города от блокады. Но немцы ещё били по городу из дальнобойных орудий, и, для корректировки огня, каждый день в небе над Ленинградом, на больших высотах появлялись немецкие разведчики – «юнкерсы». Зенитки не могли их достать, а наши самолёты не поднимались ещё на такую высоту.

А теперь я приведу выписки из очерка С.Бытового [1] – военного журналиста, который был опубликован в ленинградской газете «Защита Родины» и напечатан в газете «Тихоокеанская звезда» 10 декабря 1944 года:

«Он возвращался с боевого задания. Горючее в баках было на исходе, но дотянуть до аэродрома хватит. День был тихий морозный, видимость прекрасная, и под крылом его истребителя разворачивалась панорама великого города... Прямым курсом, экономя каждую каплю горючего, вёл машину на аэродром лётчик-истребитель Иван Усачёв. На его счету был уже не один десяток боевых вылетов. И вдруг он заметил на земле тень вражеского «юнкерса». Присмотревшись, понял: довольно высоко над ним летит немецкий разведчик, и, может быть в эту минуту немец фотографирует какие-то районы Ленинграда, чтобы потом их бомбить.

«В атаку! Не уйдёшь, гад!» – мелькнула мысль, и вторая, так же быстро: «А горючее?!». Бросил взгляд на приборы и, решив, что для скоротечного боя горючего хватит, стал набирать высоту – 9000м, 9500... Немец спокоен: русские на таких высотах не летают.

Кислородный прибор Ивану помогает, но одновременно и теснит лёгкие, а надо лезть ещё выше, выше. На высоте 10000м Усачёв уже неотступно следовал за «юнкерсом». Догнал и, когда до него осталось метров пятьдесят, открыл огонь одновременно из пулемётов и пушек, но «юнкерс» летит. Ещё рывок и новая атака комбинированным огнём почти в упор. «Юнкерс» вспыхнул и начал стремительно падать.

«Ну разве я мог упустить «ганса»?!» – ответил Иван технику, когда тот ужаснулся, что лётчик приземлился с сухими баками. Этот «Юнкерс-88» был сбит 26 февраля 1944 года. А 6 марта, вылетев по тревоге на перехват очередного вражеского самолёта, который уже произвёл разведку и лёг на обратный курс, Усачёв провёл бой и сбил второй «юнкерс» уже на высоте 10500 метров, утвердив за собой славу воздушного аса».

Очерк С.Бытового назывался «Амурский сокол». Он сохранился в нашем семейном архиве.

В то время, когда Иван сбил первых «юнкеров», ему было всего двадцать лет, даже усы ещё плохо росли. Знакомясь с девушками и стесняясь своего имени, он представлялся Костей: очень модной тогда была песня «Шаланды полные кефали...»

Только одно приносило ему неудобство: его высокий рост – 188см. Когда в шестнадцать лет он записывался в аэроклуб, никто не думал, что этот русоволосый юноша вымахает в такого атлета. В кабине самолёта было тесно и холодно, в одной позе всё тело, а особенно, ноги, затекали и мёрзли, и унты не спасали. Для лица выдавали кожаную на меху маску с прорезями для глаз, носа, рта. Эта маска долго валялась у нас дома.

Войну Иван закончил, имея пять боевых наград, и среди них Орден Красного Знамени и Орден Красной Звезды, а было ему всего двадцать два года.

В наше время никто не верит, что на таких высотах можно было летать на тогдашних самолётах. А дальневосточник Иван Усачёв первым из ленинградских лётчиков показал, что можно и воевать на такой недостижимой, казалось бы, высоте.

Один раз за войну он был ранен. Но, «не было бы счастья, да несчастье помогло»: осколочное ранение в ногу Иван долечивал в

Железноводске, где в 1945 году и познакомился со своей будущей женой.

Валя училась в пединституте и была такая же высокая и стройная, играла на гитаре, он на аккордеоне. Похожа была Валя на американскую актрису Марику Рокк, исполнительницу главной роли в кинофильме «Девушка моей мечты». Через два года Иван привёз Валентину в Левашово под Ленинград, где стояла часть. Какая была пара! Усы к тому времени выросли, и он подстригал их под Дугласа Фербенкса – этих довоенных звёзд кино нынешнее поколение уже не знает.

Пришлось Ивану Фёдоровичу повоевать и в Корее. Он рассказывал, что в полётах лётчикам запрещалось переговариваться между собой на русском языке (но было необходимо).

И весь эфир был заполнен словами существительных и глагольных форм русского мата. В 1953 году жители ещё не всех стран знали, что означает ЧТО на этом диалекте, а лётчики друг друга понимали. Семьи военнослужащих живут в гарнизонах по месту службы главы семьи. Советские лётчики воевали в Корее, семьи их жили недалеко – в Китае. В Китае и родилась у Усачёвых вторая дочь Алла. А первая Ирина родилась в Ленинграде в 1948 году.

После Кореи можно было выбрать место службы, и Иван выбрал Дальний Восток – он очень скучал по Амуру и синим Хехцирским сопкам. В Хабаровске жила его мама и все родные. А в Ленинграде в музее обороны города остался его портрет.

Демобилизовали Ивана Фёдоровича по состоянию здоровья в конце 50-х годов, а умер Иван Фёдорович Усачёв в 1972 году в Хабаровске от инфаркта, не дожив полгода до пятидесяти лет. Всё-таки сказались военные перегрузки.

В Хабаровске живёт его семья Валентина Трофимовна Усачёва, его две дочери, трое внуков, внучка, и три правнучки. Валентина Трофимовна в свои 96 лет чувствует себя нормально, каждое утро зарядка не менее часа, сама себя обслуживает, с ней можно разговаривать на любые темы и чувство юмора она не утратила.

В 2013 году я отнесла фотографии своего дяди, очерк С. Бытового, офицерский аттестат на имя его матери и другие документы в музей города Хабаровска. Каждый год к Дню Победы там устраивается большая экспозиция.

В 2018 году, благодаря стараниям Константина Федькина – внука, портрет его деда И.Ф.Усачёва был прикреплен к истребителю «Бессмертной эскадрильи», и в

дни Победы Амурский сокол вновь летает над родным краем.

Его звали Ефим

В конце сороковых годов прошлого века наша семья жила по улице Metallистов в Хабаровске на территории, прилегающей к нефтеперегонному заводу им. Серго Орджоникидзе.

Деревянные двухэтажные восьми квартирные дома строились для заводского руководства. Весь косогор от Metallистов до Джамбула был застроен такими домами. Тут жили и учителя, и в таком же доме помещалась школа № 48, поликлиника и хлебный магазин.

Сейчас уже все эти дома снесены и на месте нашего дома расположилась бензозаправка «Восток-нефть». Вся остальная площадь – пустырь со старыми тополями.

При заводе был единственный продуктовый магазин, нет: м-а-аленький зелененький магазинчик. В дни полочки и аванса он был забит народом до степени потери сознания. Стоять за дефицитом – как-то макароны или рис, приходилось всей семьей до 8-9 вечера, так как выдавали чего-нибудь по определенному весу в одни руки, хорошо, если это было в период с весны до осени. Тогда

открывали окно в восточной наружной стене магазина, и можно было стоять долго без ущерба для здоровья.

А в обычные дни на прилавках магазинчика располагались лотки с лососевой икрой, прикрытые от мух марлей, и пирамиды крабовых консервов – эти деликатесы тогда за еду не считали. А мы на переменках бегали туда за пряниками-«телефончиками» и могли купить хоть пятьдесят, хоть сто грамм. Жители покупали там молоко в розлив, сырую и жареную камбалу, соленые бочковые огурцы, конфеты. Мясо там было не часто, а про колбасу вообще не помню, это с началом перестройки всё стали мерить на колбасу.

И в этот магазин приходил Ефим. Жил он недалеко, на улице С.Тюленина. Было ему лет тридцать, а может меньше. Темная кожа плотно обтягивала череп, а из глазниц с безнадежно-трагическим выражением мерцали глаза. Ходил он всегда в старой солдатской одежде – шапке, шинели, солдатских галифе, рваных ботинках и обмотках. Он приходил с какой-нибудь мелкой монеткой, зажатой в пальцах, вставал у кассы, и эта копейка в его пальцах часами билась о край деревянного окошечка. Последствия контузии. Это был 1948-49г.г.

Он ничего не просил, иногда страшно мычал, очередь его обходила, а мы, дети, к кассе тогда и не приближались.

Когда кассирша не могла больше уже выносить этот равномерный стук, она кричала на Ефима, он отходил на два шага, но простоять в такой позе без опоры долго не мог и вновь опирался на кассу, и вновь рука конвульсивно била монеткой по нервам окружающих. Потом, освободившийся рабочий выводил его на улицу, ставил лицом в направлении дома и подталкивал в спину, и Ефим бежал, высоко вскидывая ноги. Никто никогда его не бил, многие боялись его большой суковатой палки, а носил он ее только, чтобы отбиваться от собак да грозить, дразнившим его издали, мальчишкам.

Волосы Ефима были коротко стрижены, борода и усы то ли не росли, то ли кто-то регулярно его брил, да и посторонних запахов от него не было, как от современных бомжей. И ходил он в магазин не за подачкой – никто ему не подавал – он хотел купить чего-нибудь своей старой больной матери и для этого всегда приносил в руке денежку. И не понимал, почему ее не берут и ничего не дают взамен. Сказать ничего не получалось, получалось только мычать, рычать или стонать на низкой ноте.

В глаза его невозможно было смотреть: столько было в них невысказанного – здесь был и голод, и жажда онемевшего существа по человеческому общению, и, возможно, понимание безнадежности своего положения.

Он не прекращал своих безрезультатных хождений в магазин, кроме голода гнало его туда чувство ответственности: он еще помнил, что у него есть старая мать, которая ждет от сына помощи.

Неизвестно, какой ратный подвиг он совершил, да и успел ли совершить. Бессловесно умирать в течение пяти-шести лет голодной смертью и с массой болезней – тоже подвиг, жизненный. И не просил он и не ждал никаких льгот, таких несчастных калек было много.

Когда в последние десятилетия я слышу избитую фразу «никто не забыт, ничто не забыто», я вспоминаю этого Ефима.

Таких было много, кто прошел войну и вернулся вроде бы живым, но жизнь эта была не лучше смерти.

Он был родом из Амурских казаков

Отец мой Казанов Николай Иванович родился в селе Бабстово Амурской области девятнадцатого декабря 1901 года, и назван

поэтому в честь зимнего Николая. У нас хранится «выписка из «Метрической книги» о родившихся за 1901 год, что «новорождённый Николай – сын Иоанна Гаврилова Казанова, казака Амурского Казачьяго войска Михайло-Семёновского Станичнаго округа, крещен 29 декабря 1901 года».

В то время Бабстово было довольно большим селом, в селе была школа, в которой учительствовал дядя Николая.

А в школе висел портрет полковника Бабста А.К., который основал посёлок в 1865 году (это мне отец рассказывал). Окончив школу, шестнадцатилетний «казачий малолеток» (так тогда именовались юные казаки) уехал учиться в Хабаровск. Поступил в железнодорожное училище, окончил его и работал в депо ст. Ин, затем в Хабаровске в каком-то конструкторском бюро. Хорошо чертил, очень много читал с детства, любил классическую и научную литературу.

В период службы в рядах РККА (1924–1926гг) был внештатным армейским корреспондентом. До последних дней выписывал две-три газеты, один-два журнала и для – детей детскую периодику.

Дома у нас была большая библиотека и много подписных изданий. Однажды он купил у букиниста «Золотого осла» Апулея. Я – уже

взрослая, но такого автора не знаю. И мой папа мне объясняет:

– Помнишь, ещё Пушкин писал – «...читал охотно Апулея, а Цицерона не читал...»

Он ещё и «Евгения Онегина» цитировал! В 1938 году отец поступил на заочное отделение Ленинградского Горного института, но не окончил, т.к. началась война. К этому времени он работал старшим инспектором «Котлонадзора» по Хабаровскому краю (потом эта организация стала называться «Госгортехнадзор»).

Первый раз Николай женился в двадцать семь лет на учительнице Клавдии Мамаевой, которая после окончания школы военных техников (ШВТ – была такая в Хабаровске) работала на ст. Ин. В 1930 году у них родилась дочь Аида. Потом семья вернулась в Хабаровск и в 1937 году они расстались.

Через полтора года Николай Казанов женился на Нине Свирской – моей будущей матери. Она на тринадцать лет была его моложе. И сколько я себя помню, в комнате над их кроватью висела фотография его дочери семилетнего возраста, а я помню, как всем говорила, что «это Алочка – папина дочка».

Отец сам фотографировал и у нас много снимков его работы. Он всегда помогал той

семье и не только обязательными алиментами, и наша мама всегда это поощряла. Родственные связи мы сохраняем до сих пор.

Когда я родилась, папе было тридцать девять лет. На фронте он не был, у него была бронь; после освобождения наших территорий нужны были специалисты для восстановления разрушенного хозяйства, и отца направили в Ворошиловград (ныне Луганск).

Переезд из Хабаровска я помню смутно, мне ещё не было четырёх лет. Война ещё не закончилась, и ехали мы недели три. В вагоне всё время было жарко и тесно спать, то с папой на второй полке, то с мамой на нижней. Вагон был плацкартный, всё время кто-то что-то рассказывал, часто где-то играла гармошка, и кто-то пел, и кто-то плакал, и так под этот говорок и песни я то засыпала, то просыпалась... В Ворошиловграде мы прожили около года. Помню там пленных немцев, они разбирали разрушенные кирпичные дома. Разрушений было очень много.

Затем, летом 1945 года, мы переехали во Львов, куда отца перевели заместителем начальника Западно-Украинской инспекции «Котлонадзора». Вот здесь было очень много беженцев: украинских, польских русских.

Львов – старинный польский город, очень красивый. Наш дом находился на

окраине, как сейчас помню: улица называлась Крымская. Дом трёхэтажный, вода и канализация имелись. Отапливались комнаты изразцовыми голландками.

В первом полуподвальном этаже жила довольно пожилая пара поляков, дед хромал и на войне не был. На третьем этаже жила хозяйка этого дома, молодая красивая полька с двумя дочками. Одна была старше меня на год – Крестя, другая – младше. Мы подружились. Они рассказывали, что это их отец-инженер построил этот дом: третий этаж для своей семьи, первый – для прислуги, а на втором две квартиры сдавал. Второй и третий этажи полукругом огибали большие балконы. Девочки и показали мне фото отца: очень симпатичный русоволосый мужчина, лет тридцати, сидел в траве на пригорке и, улыбаясь, обнимал девочку. Я тогда еще подумала: «Зачем ему надо было идти на войну?» Он не вернулся – пропал без вести. На втором этаже мы и жили в двухкомнатной квартире, которую выделили отцу.

Папа часто ездил в командировки по всей Западной Украине, а в области орудовали бандеровцы, вырезали целые семьи (помню разговоры об этом дома). Отцу выдали пистолет, а он, уезжая, оставлял его маме и учил её стрелять. Мама говорила тогда: «Может я и

успею один раз выстрелить, ну, а если их много будет?» Но пистолет под подушкой придавал какую-то уверенность. Папа приезжал и рассказывал, что творилось на вокзалах: билет купить невозможно, толпы атакуют кассы, не только беженцы, но и спекулянты, расписания поездов не соблюдаются, на вокзалах воруют багаж.

Помню такой его рассказ. Сидит он на вокзале, ждет поезда; напротив сидит женщина с двумя детьми. Один – грудной плачет, второй, примерно четырёх лет, – просит пить. Оказывается, сидят уже вторые сутки. Едут к родственникам, во Львове пересадка. Купить билеты она не может, к кассе не пробиться и денег на билеты уже не хватает, т.к. на еду детям потратила. Что делать?! Отец спросил – сколько осталось у неё, чтобы добавить и купить билет, а она боится отдавать, вдруг обманет...

«И тогда – рассказывает папа маме – я представил, что, если со мной что случится, ты вот так же будешь сидеть с детьми (у меня тогда уже родился брат) и никто не поможет. Решил купить билет на свои деньги. Влез в толпу и, показывая краешек своего служебного удостоверения (которое было такого же красного цвета, как у служащих МВД), добрался до кассы, купил ей билет,

принёс воды и помог сесть в поезд. Она плакала от благодарности».

Это же удостоверение красного цвета помогало мне проходить в театр. Видимо, в характере моего отца присутствовала какая-то доля авантюризма. Львовский театр оперы и балета был одним из лучших в Европе. Оставлять меня дома было не с кем, и родители брали меня с собой.

На вечерние спектакли детей не пускали, но кто бы смог не пропустить, если человек показывал край красной книжечки. Я сидела тихо и до шести лет просмотрела весь классический репертуар. Помню, что зал всегда был полон. А сейчас думаю, что и билеты были доступной для всех цены. Люди устали от ужасов войны, а тут – прекрасная музыка, яркие костюмы, страстные чувства.

Потом был такой случай: папа приходит с работы и рассказывает, что на площади у фонтана (во Львове почти на каждом перекрёстке фонтан или скульптура – и это всё «площади») сидит дед в нижнем белье и девочка лет пяти, оба босые. А помню, что было уже холодно. Мама быстро завернула в бумажный свёрток для деда папины рубашку и брюки, а для девочки малое мне пальто и туфли. Папа взял меня с собой, и мы пошли к этому фонтану, он вручил мне свёрток и велел отдать

деду. Они сразу же всё надели; помню, девочка потопала ножками в туфлях, и пальто ей оказалось впору. Когда я вспоминаю этот эпизод, то думаю, что дед напомнил папе его отца или деда...

Папа много рассказывал нам о своем детстве, о семье. Семья была большая: пять сыновей да пять дочерей (он младший из сынов), отец, мать, да бабушка с дедушкой. Чтобы прокормить четырнадцать человек, надо было иметь большое хозяйство. Конечно, имелись и кони, как у всех казаков, – строевые и рабочие, коровы, овцы, птица, пашня и большой огород, в общем, – натуральное хозяйство. Батраков не держали, хватало своих сил. Бабушка, когда уже не могла делать другую работу, пряла шерсть, вязала всем носки, рукавицы, шали, поддевки (жилетки). Из овечьей шерсти валяли валенки – назывались катанки. Дед мой умел шить всякую конскую упряжь, и однажды сшил внучке (не мне) саквояж – всего лишь где-то увидел образец.

Папа всегда нам говорил:

«Человек формируется в семье личным примером старших. Чем больше умеешь делать своими руками, да еще со смекалкой, тем легче живётся. И всегда надо помогать тем, кому труднее».

Его дедушка, мой прадед Григорий Ефимович, дожил до девяноста двух лет. (Так я добралась до предка – Ефима Казанова, который родился, по моим подсчётам, в 1780-89 годах). А уж сколько испытаний выпало им за долгую жизнь! Казакам всегда жилось трудно на Дальнем Востоке. Амурские казаки – это выходцы из Забайкальских казаков, а те из Донских...

В 2008 году в Благовещенске был издан документально-исторический двухтомник «Амурские казаки». В нем отражена история освоения Дальнего Востока, организация Амурского казачьего войска, информация о казачьей службе. Я приобрела эти книги в подарок брату, и оказалось не напрасно – там неоднократно упоминается наша фамилия. Так в июле 1917 года старший урядник А.Ф. Казанов избирался делегатом 3-его войскового круга АКВ (Амурское казачье войско).

В родне был и георгиевский кавалер – Петр Казанов, награждён Орденом Св. Георгия 4-ой степени за китайский поход 1900-1901 годов, в последствии – хорунжий, младший офицер 2-ой сотни АККП (Амурский конный казачий полк). В этом же двухтомнике есть упоминания и о других Казановых, и все они из Михайло-Семёновского Станичного округа. Значит наши родственники.

Из жизни во Львове ещё помню, как выселяли поляков. После войны Западная Украина, и в том числе Львов, отошли России (или, правильнее, Украине). Поляков выселили за сутки весной 1946 года. Всех. К нашему дому подъехала открытая грузовая машина с досками-лавками поперёк кузова. Она была уже наполовину заполнена людьми. Наши поляки: пожилая пара и мама Кристи с девочками залезли в машину, и та быстро уехала. У каждого в руках был только небольшой узелок. Гораздо позже я слышала разговоры о том, что им разрешили взять только минимум ручной клади. Хорошо, если в Польше у кого-то остались в живых родственники. Они уезжали, бросив свои дома и вещи; они уезжали, а я бежала за машиной и плакала. Я привыкла к девочкам, и вообще, было как-то жутко: почему они так быстро собрались и молча (все молчали), не попрощавшись, сели в машину и куда-то поехали. Дома ничего не объяснили, тоже молчали, потом папа сказал: «Так надо, это не нашего ума дело». Я была ещё слишком мала... Мне пора было идти в школу, а преподавали во Львовских школах на украинском языке. И мой папа решил, что семье надо возвращаться на Дальний Восток, его просьбу удовлетворили.

Вернулись мы в Хабаровск в 1948 году, жили в районе завода им. Серго Орджоникидзе в деревянном доме в одной из двух комнат коммунальной квартиры. В 1954 году мы переехали в собственный дом из пяти комнат с мансардой, отец сам его спроектировал. Провёл водяное отопление от бачка-нагревателя в кухонной плите. В то время большие дома индивидуально строить не разрешалось, но нас было пятеро, с нами жила бабушка. Отец сделал кухню в верандной пристройке, и поднял крышу на метр, чтобы получилась четырнадцатиметровая комната для меня. Так у всех стало по отдельной комнате.

Помню, дома по вечерам отец часто чертил, он брал работу на дом – проектировал автономные котельные, делал расчёты и всю сопутствующую документацию (тогда ещё не построили ГЭС). А я всё вертелась рядом, и папа мне объяснял: *«Вот это – дверь так обозначается, так – окна, а это – трубы, это – капитальные стены, а это перегородки...»*

И я с детства научилась читать чертежи. Отец чертил, мама что-то вышивала, и они вполголоса пели: «По диким степям Забайкалья», «Тонкая рябина», «Раскинулось море широко» и другие народные песни. Отец наш был высокий, сухощавый, немного сутулый, покладистого и весёлого нрава; на

семейные праздники, когда собиралась вся родня, а это было не более пяти раз в год, он всегда был в центре компании. Рассказывал какие-то анекдоты, изображал в лицах то китайцев, то японцев. При этом норма спиртного у него была – три маленьких стопочки. В другое время он вообще не пил алкоголь, слов нецензурных я от него ни разу не слышала.

Он постоянно что-то придумывал и изобретал: то приспособление для скручивания верёвок (после войны и этого не было), то станок для вязки сетей – охота и рыбалка были его любимым занятием, то он пытался построить лодку из стекловолокна, пропитав её эпоксидной смолой, даже смастерил метровую модель. Когда родилась моя дочь, он сам собрал ей коляску из каких-то частей, т.к. в продаже детских колясок не было. С маленькими детьми он охотно занимался, умел их отвлечь от капризов и чем-то занять. Главное хобби его жизни – рыбалка и охота. Охотился только на водоплавающую дичь, и оделял ею всю родню и знакомых. А свежая речная рыба не переводилась у нас круглый год... Отец и меня с братом на рыбалку брал; и червей на крючки перемётов я наживляла и из охотничьего ружья стреляла. Перед охотой я помогала ему набивать гильзы: на специальных крохотных

весах взвешивала порох и дробь, вырубала войлочные пыжи (тогда достать патроны нужного калибра было сложно).

Осенью отец брал отпуск, собирал друзей (говорил – сколачивал артель), и они ехали на кетовую путину в низовья Амура. Разрешение получали, договор заключали, часть рыбы сдавали, часть привозили. Отец её солил, вялил, коптил. Маленькую коптильню он соорудил в нашем огороде. Мой брат Виктор лет с пяти ездил с ним на рыбалку, позже на охоту. В четырнадцать лет отец подарил ему ружьё – охотничью одностволку, тогда уже брат с друзьями ездили на охоту самостоятельно. После школы Виктор окончил лесоинженерный факультет Хабаровского политехнического (тогда ещё) института.

Прожил мой отец 86 лет, до конца жизни он занимался хозяйством: привозил воду из колонки и носил уголь из сарая, если бы не эта тяжёлая работа, он мог бы и дольше прожить, но дети его (т.е. мы с братом) в Хабаровске не жили, а дом обменять на небольшую квартиру со всеми удобствами не получалось (закон запрещал).

Этот дом по улице Некрасова 111-а и сейчас там стоит; жаль, но никто из родных там не живёт. Когда старшее поколение умерло, дом перешёл к моей дочери, а в двухтысячном году

его уже можно было обменять на двухкомнатную квартиру, что она и сделала. Доброжелательность отца к людям и животным, любовь к детям – это, я думаю, всё из детства. Это от казачьего семейного уклада.

В 2001 году я отметила столетие со дня рождения моего отца. Мне говорили, что нельзя умершим отмечать день рождения. Но, отмечали же во вселенском масштабе столетие со дня рождения Ленина или двухсотлетие со дня рождения Пушкина. А я – в узком кругу, собрав родных и друзей, которые его ещё помнили. Мы и сейчас тебя помним, папа.

От Варшавы до Хабаровска

Вот моё первое впечатление от бабушки: я просыпаюсь утром в большой бабушкиной кровати, видимо, родители оставили меня у неё ночевать; мне года три. Бабушка уже встала и что-то делает на кухне. Солнечный свет из двух больших окон ярким золотом заливает всю комнату, тогда ещё не было теневого штора. За окном слышен гул моторной лодки (дом был в районе хабаровского Затона). Мне тепло, уютно в мягкой постели, энергия солнца переполняет меня, и я в восторге начинаю прыгать на кровати. Тут входит бабушка, улыбается, ловит меня в охапку, целует, мы обе смеёмся,

радуемся друг другу и мне так хорошо в крепких и ласковых бабушкиных руках! И это ощущение радости, даже счастья – безмятежного и наивного – так и осталось в памяти. И теперь, когда я слышу гул катерка на реке в солнечный день, сразу возникают в душе отголоски той детской радости.

Моя бабушка по материнской линии Мария Иосифовна Свирская (девичья фамилия Бучинская) родилась в 1889 году в Варшаве. Польша в тот период входила в состав Российской Империи. Моя прабабушка Юзефа, мать Марии умерла в тридцать пять лет, в семье было четверо детей и Мария – старшая. Все заботы по хозяйству и о детях достались пятнадцатилетней девочке. Она, вспоминая тот период, никогда не жаловалась на трудности. Но, однажды рассказала мистическую историю. После смерти матери маленький брат плакал вечерами, Мария его укачивала, укачав засыпала рядом, он снова плакал, она снова качала колыбель... Иногда она слышала шаги на чердаке (дом был одноэтажный деревянный) – было страшно. В один из вечеров уснула и когда ребёнок начал снова плакать никак не могла проснуться, но сквозь сон опять услышала шаги, от страха укрылась с головой, и вдруг плач прекратился. Мария приподняла одеяло и в щелку увидела как бы силуэт матери

у колыбели. Мария зажмурилась, плотнее укрылась, было жутко! Ребёнок больше не плакал, и мать больше не приходила к нему. Моя бабуся, (мы так все её звали на польский манер, и мои дети так звали мою маму, и мои внуки так же называют меня) моя бабуся, сколько я её помню, ничего не боялась, ни в кого не верила и рассказывала эту историю спокойно без страха. Окончила она в своё время церковно-приходскую школу в Варшаве. Что касается её отца – моего прадедушки – то, чем он занимался, бабуся не смогла мне внятно объяснить – что-то было связано с мукомольным производством, но не мельница. Иногда я спрашивала её – «ты католичка или православная?» Она всегда отмахивалась от таких вопросов; но я слышала, как она иногда восклицала:

– «О, Матка Боска!» (О, Матерь Божья).

В двадцать один год она вышла замуж за Яна Свирского, он был старше жены на четыре года, тоже житель Варшавы. В этом возрасте Мария выглядела старше своих лет – высокая, статная, серьёзная, со строгими серыми глазами, с аккуратной причёской из пепельных волос. После смерти матери она шесть лет вела домашнее хозяйство, научилась это делать закономерно и рационально, большая ответственность, видимо, и отразилась на

внешности. Через год после свадьбы родился сын Олег, который умер в полуторагодовалом возрасте. «Паспортная книжка» деда на русском языке хранится в нашем семейном архиве. Этот странный, истрёпанный документ рассказывает всё о жизни семьи. Фотография в нём не предусмотрена. Паспорт выдан в 1910 году «на основании записи в Книге постоянного народонаселения г. Варшавы дом 5138 стр.462». Жена как и дети вписываются в паспорт мужа. Пункт 7 паспорта: Отношение к отбыванию воинской повинности: «Младший писарь 14 Восточно-Сибирского стрелкового полка». Интересно! Жителя Варшавы приписывают к Восточно-Сибирскому полку!

Началась Первая Мировая Война и Яна (по паспорту Иоанна) Свирского мобилизовали. Где дед служил и воевал неизвестно, но жена была рядом и в декабре 1914 года у них в Смоленске родилась дочь. В паспорте это событие описано на стр. 9: «У означенного в сём паспорте мещанина Иоанна Афанасьевича Свирского и у законной его жены Марии 22 Декабря 1914 года родилась дочь. Крещена 11 Января 1915 года в Казанской Смоленской церкви и при святом крещении дано ей имя – Нина. Что с применением церковной печати удостоверяю». И это была моя будущая мать.

Из того же паспорта узнаём, что семья бедствовала, т.к. имеется штамп: «Пользуется одеждою из Секции пом. беженцам при Смоленской Р(?)К Благотв. О-ве». И ещё записи: «24 января 1915 года из польского комитета выдано 5 аршин подкладки под одеяло. 19 ноября 1915 года выдано 1 п. валенок, 1 п. портянок, 1 фуфайка, 1 юбка. 24 ноября 1916 года выдано 1 пальто.

В Смоленске много записей о перемене места жительства. Больше двух месяцев почему-то нигде не жили. А весной 1918 года, видимо, решили ехать на Восток. Есть отметка Иркутского пропускного паспортного пункта от апреля 1918 года. И следующий штамп: май 1918 года – «Явленъ въ 2-мь уч-ке г. Благовещенска». Тогда в Благовещенске находилась большая польская община. Поляков, постоянно поднимавших бунт против правительства России за отделение Польши, ссылали на окраину Империи. Так в Благовещенске постепенно осело немалое количество поляков; чтобы легче было жить в ссылке, они объединялись в общины. Они даже смогли построить небольшой кирпичный костёл на отчисления от своих скудных доходов. При Советской власти все деревянные храмы в Благовещенске разрушили, а костёл остался, но его стали использовать, как православный

храм. Этот храм и сейчас стоит на углу ул. Горького и 60-летия Октября (современное название улиц).

В Благовещенске прожили до марта 1922 года и выехали во Владивосток. Гражданская война ещё не закончилась, работу найти было трудно. Ян Свирский, работая ночным сторожем, попал в уличную перестрелку и погиб в ноябре этого же 1922 года. В паспорте об этом событии – обширная запись: в каком возрасте, от чего умер и где похоронен. Может, это было удобно – не собирать нигде никаких справок, всё в одном документе.

Мария осталась одна в разорённом гражданской войной, холодном Владивостоке, за тысячи миль от родной Варшавы, почти не зная языка, не имея никакой специальности. А на руках восьмилетняя дочь и через пять месяцев должен родиться второй ребёнок. Средств к существованию тоже не было, и Мария пошла к врачу принимать меры; ей было и страшно и стыдно. За услуги врачу предназначалось золотое обручальное кольцо, но, эта плата врача не устраивала – в свои тридцать три года Мура (как тогда звали её все знакомые) была ещё очень хороша собой, да ещё шарм иностранки, убитой горем... «Да и что Вам теперь терять?» – ворковал врач над ухом, поглаживая ей плечо. Когда до несчастной

женщины дошёл смысл докторского предложения, она, по её словам, «вскочила со стула, плюнула ему в морду и убежала, хлопнув дверью». Зная свою бабушку, я вполне этому верю. (А многие ли современные женщины поступили бы так же?)

Марии с дочерью помогли переехать обратно в Благовещенск. Там же в Благовещенске жил и её родной брат Йозеф (Иосиф) и там, в апреле 1923 года Мария родила сына, которого назвала в честь мужа Яном. Жизнь была тяжёлой, но Мария знала, что ей надо вырастить детей и бралась за любую работу: и уборщицей в швейной мастерской, посудомойкой в кафе, и горничной в гостинице. А летом – с мая по октябрь работала на пароходах кастеляншей. Детей оставляла на квартирную хозяйку. И ещё находила время посещать «ликбез», учила русский язык. Брат женился, у Марии теперь была и невестка и племянница – родные люди, опора. Через пять лет Мария Свирская снова вышла замуж за помощника капитана парохода Фёдора Васильевича Усачёва, и он усыновил Янока. Так Ян Янович Свирский стал Иваном Фёдоровичем Усачёвым. Но, свою фамилию Мария не поменяла. Фёдор Васильевич никогда не был женат и был на девять лет моложе Марии, конечно, его родные были не довольны его

выбором, но Мария сумела расположить к себе родню мужа, и в дальнейшем у них были нормальные отношения.

В 1931 году Фёдора Васильевича перевели на работу в Управление Амурского пароходства и семья переехала в Хабаровск. Началась спокойная благоустроенная жизнь. Дочь Нина уже окончила семилетку, играла в драмкружке, работала в машинописном бюро Дорпрофсожа Хабаровского края, вышла замуж. Иван Усачёв в 1941 году окончил школу № 1 в Хабаровске и одновременно аэроклуб при школе ДОСААФ, затем учился в лётных училищах Ленинск-Кузнецка и Черногорска. Высокий русоволосый красавец был очень похож на своего родного отца. Основную цель – вырастить детей – Мария осуществила.

И тут закончилась мирная жизнь, началась война – Вторая Мировая. В 1943 году арестовали Фёдора Васильевича за фразу о том, что «американские велосипеды лучше русских» и через шесть месяцев выпустили уже больного. Над диваном, где он умирал от рака, висела крупная фотография приёмного сына в форме курсанта лётной школы. Самые большие страдания причиняла мысль, что его арест может повлиять на дальнейшую судьбу сына. И, испытывая сильнейшие боли, он думал о том, что его Ванюшке на фронте ещё труднее – его

могут сбить в любую минуту. В феврале 1944 года Мария похоронила второго мужа. За полгода до этого ушёл из жизни её родной брат Иосиф. Тоже после заключения. Он работал в инспекции «Рыбнадзора», видимо кому-то не угодил, был какой-то донос, к тому же он ещё и инородец (а поляков всегда подозревали в шпионаже)... Отпустили его уже больного и через два месяца он умер. От тяжёлого горя Марию отвлекала работа в швейной мастерской – чинила и перешивала с другими женщинами солдатские гимнастёрки.

Сын воевал на Ленинградском фронте. Он на истребителе сбивал немецких «юнкерсов» на высоте более 10000 м, до этого таких примеров не было. Очерк об этих воздушных боях был написан военным корреспондентом С.Бытовым и опубликован в ленинградской газете «Защита Родины» и напечатан в газете «Тихоокеанская звезда» 10 декабря 1944 года под названием «Амурский сокол». Этот очерк сохранился в нашем семейном архиве. Ах, как тогда гордилась сыном моя бабушка! Сколько поздравлений приняла она от близких и незнакомых людей! Войну Иван Усачёв закончил, имея пять боевых наград, и среди них Орден Красного знамени и Красной Звезды. Было ему в то время двадцать два года! Позже Иван женился и у бабушки

появились ещё две внучки – одна родилась в Ленинграде, другая в Китае в 1954 году (семья сына жила в Китае, пока авиационный полк воевал в Корее). Эта младшая внучка – высокая и сероглазая – одна из нас троих похожа на бабушку Свирскую и внешне и характером. После войны Иван попросился о переводе на Дальний Восток. В Ленинграде, в музее обороны города остался его портрет. (Умер Иван Усачёв от инфаркта в 1972 году, не дожив до пятидесяти лет). Его дочери, внуки, внучка и правнучки живут в Хабаровске. Его вдове в сентябре 2017 года исполнится 94 года, она бодрая, в меру энергичная с хорошей памятью.

После войны жизнь стала более размеренной. Дома у бабуси всегда было уютно. Она хорошо вышивала «гладью» и «ришелье», на стенах висели, а на столах лежали салфетки; почти в семьдесят лет она научилась вязать крючком, и у меня на память остались её кружевные салфеточки. А однажды, когда ей было уже за восемьдесят, я застала её за чтением романа Дюма «Дама с камелиями». Она всегда аккуратно и со вкусом одевалась, по мере возможности, следила за модой. И в то же время занималась огородом, разводила кур и гусей в голодные послевоенные годы.

В семьдесят девять лет у неё обнаружили рак груди. И она сразу сама сказала – «делайте

операцию». Врачи боялись, что сердце не выдержит наркоза и сделали операцию под местным наркозом. За день до операции я пришла к ней в больницу, она встретила меня в больничном садике, совершенно спокойная, и сказала, что вечером собирается в душ, а потом накрутит себе «папильотки» (которые она уже заготовила), «чтобы, если умру, в гробу лежала красивая». Моя бабуся всё выдержала и прожила ещё тринадцать лет! А как она вкусно готовила! И как то ненавязчиво учила и меня, просто просила в чём-то помочь. Научилась я у неё пироги печь, рыбу мариновать, готовить котлеты мясные, рыбные, картофельные, клёцки и галушки. А щуку фаршировать так и не умею. Была она общительной и доброжелательной, но, если кто не нравился, говорила:

—«Эта особа щепетильная, как французский пёсик».

Это была высшая степень презрения. А мы смеялись:

—«Где это ты тут видела французского пёсика?»

Знакомых у неё в Хабаровске было много, тесная дружба связывала её с семьёй доктора М.И. Афонина ещё со времён жизни в Благовещенске. Его дочь Ольга Михайловна в пятидесятые годы работала главным экономистом Амурского пароходства. Семья

Малиновских (не знаю, имели ли они отношение к маршалу Р.Я.Малиновскому) приглашала её пожить в их доме (она говорила «домовничить») во время ежегодного отпуска, когда выезжали на лето в Крым.

Последние годы бабушка жила с нами – в семье дочери. В большом пятикомнатном доме была у бабушки отдельная комната. Бабуся и с моими подругами общалась, знала всех по именам и гадала нам десятиклассницам на «кавалеров». Не думаю, что она была опытной гадалкой, но нам было интересно с ней. И нам с братом было уютно в доме, где ждут нас после школы, где чисто и вкусно пахнет...

Никогда она не рассказывала про Польшу, но, видимо, скучала, т.к. любила в компании петь печальную песню «Среди долины ровныя» и сильным голосом выводила: «...ни роду нет, ни племени в чужой мне стороне...» и «...друг милый спит в сырой земле, на помощь не придёт...». До самой смерти она сохранила тёплые родственные отношения с женой брата и племянницей, а мы продолжаем эту дружбу.

Умерла моя бабушка Мария Иосифовна Свирская в возрасте девяноста двух лет. Проболела всего пять дней – простыла, слегла, начался отёк лёгких. Она, видимо,

предчувствовала конец, т.к. за месяц до этого погладила своё чёрное муаровое платье, которое вынула из «узелка» (оно лежало там лет десять). А мне велела сшить ей кружевной чепчик, и заявила:

– «Чтобы косынку мне не подвязывали, когда умру».

Прощаясь с ней, я обратила внимание на её руки. Руки были крупные, но красивой формы, пальцы ровные, никаких распухших утолщённых суставов.

Да она и не жаловалась почти ни на что, кроме плохого зрения и слуха. Тогда я подумала – вот, это результат естественного отбора. Она выжила в детстве без антибиотиков и была всю жизнь активной, сильной, никаких старческих маразмов. Когда в моей жизни возникали трудности, я всегда вспоминала свою бабуся, её стойкость и оптимизм. Никаких подвигов ратных или трудовых она не совершила, просто была домохозяйкой, но ХОРОШЕЙ хозяйкой, добрым, общительным и отзывчивым человеком. Чистокровная полька Мария Иосифовна Свирская (Бучинская) прожила на Дальнем Востоке более шестидесяти лет. Этот край стал для неё родным. О её жизни можно написать и повесть, и роман, а вся её жизнь – как иллюстрация к истории XX века.

Раздел 5. Слово – Светлане Блажкевич

О рождении Светланы в начале войны еще никто и не помышлял.

Она родилась через год после начала войны – 29 июля 1942 года. 9 Мая 1945 года, в Первый День Победы, ей было почти три года.

Детские воспоминания, подтвержденные мамой

Опять нет папы. Он пришел, быстренько помылся, переоделся и вновь умчался на завод. Теперь вернётся через несколько дней, потому что нужно отремонтировать и строить корабли, делать бомбы, чтобы скорее разбить фашистов. Тогда перестанут плакать тети-соседки, которые получили похоронки, и их дети. Так жалко всех!

Очень хочется кушать. А мамы тоже нет. Она со своей подружкой тетей Катей Агеевой ушла в какую-то деревню, чтобы там обменять отрез материи на еду.

Папа хорошо работал до войны, его за это награждали отрезами. Мама их берегла, чтобы подкопить немного и сшить что-нибудь для себя и для папы, А тут началась война, и они пригодились: мама возьмет отрез и отдаст его в деревню за картошку, ковригу хлеба, за крупу. У мамы осталось одно платье. Она

постирает его вечером, а утром наденет, иногда не совсем высохшее. Мне было жалко маму – она такая молодая! Осталось две простыни: одна для мамы, другая – для меня..Я спросила у мамы:

– Почему они такие тонкие?

– Потому что часто стираем.

Посуду тоже увезла. Все позже она возвращалась, потому что в деревне стали бояться давать продукты в обмен на вещи: у них тоже были детки, и они тоже хотели есть. Поэтому мама с тетей Катей ездили даже на поезде, чтобы достать еду...

Один раз они приехали на следующий день утром, потому что были на станции Ин. За детьми мамы присматривали по очереди: заходили в комнатку проведывать, а до двух лет детей к себе забирали.

Вот когда мама далеко уехала, я целый день была у бабушки Ваулиной, а вечером пришел ее сын дядя Петя. Они были очень добрые и хорошие. Бабушка всегда сидела дома с кем-нибудь из деток, рассказывала нам сказки. Я переночевала у них, но мне без мамы было плохо, и долго не могла уснуть, плакала. Очень хотелось кушать. Утром приехала мама и забрала меня домой. Мне стало хорошо-хорошо, и дала супчик и немного хлебушка. Через несколько дней проснулась от шорохов. Мама

что-то искала. И нашла невиданную для меня вещь. Я же маленькая девочка была. Это было что-то красивое и круглое, да еще и на интересной веревочке.

– Мама, дай мне эту игрушку. _Нет, нельзя.

– Но у меня же кроме Мани ничего нет. А у твоей игрушки красивая веревочка!

– Дочура, это не веревочка, это цепочка вот к этим часам, видишь?

– Часы не такие, ты мне не хочешь дать эту игрушку!

И я расплакалась. Тогда мама мне рассказала, что эти часы папе подарили, когда он был в Армии.

– Он же на заводе работает!

– Когда еще не было войны, он служил в армии

– Зачем?

– Все мужчины служат в армии, их там учат воевать. Вот сейчас все, кто научился в армии летать на самолетах, водить танки, воюют против немцев.

– А кто эти часы подарил папе?

– Самый главный командир тогда. Блюхер. Папа и его друзья хорошо работали на своем танке на учениях. За это и получили часы.

Я не очень запомнила эту фамилию: она, как и часы была для меня необычной. Когда

подросла, родители вспомнили эту историю. И тогда эта фамилия вошла в мое сознание накрепко, потому что эти часы помогли, и, возможно, спасли мне жизнь.

Мама их обменяла на мешок шелухи от овса, из которой она варила мне овсяный кисель. Я до сих пор ощущаю его вкус. Этот кисель помог мне вместе с сульфидином вылечиться от воспаления легких, которым я заболела во второй раз за войну в начале 1945 года. Замечательная врач Елена Александровна сульфидин, сгущенное молоко и шоколадка, которые приносила мне начальник пятого цеха, моя крестная Анна Кондратьевна Разумова в качестве дополнительного пайка для больного ребенка.

Я очень хорошо помню этих двух женщин спасительниц! И вечная им благодарность. В 1964 году в Москве встретила с Еленой Александровной и сказала ей, что всегда помню ее и Анну Кондратьевну. Ей конечно трудно было узнать в 22-летней девушке больную бледную худышку 1943 и 1945гг., которую она самоотверженно лечила! Каждый день приходила ко мне, когда я болела: за войну дважды перенесла пневмонию.

Помню детские посиделки на высоком крыльце, на котором собиралась детвора. Говорили о войне: кто прислал с фронта

письмо, что пишет, как воюет. Я очень внимательно все слушали, очень хорошо запоминала. Сама молчала – мала еще была для серьезных разговором. А еще говорили об еде, где и что можно добыть.

Весной 1945 года я уже ходила с ребятами по полянкам и оврагу около нашего барака, собирала конский щавель, лебеду для супчика, ели здесь кисличку. Она хоть и колючая, но молоденькие листочки кисленькие. Потом ели кашку (траву). Большие ребята срезали веточки липы с почками и давали нам. Мы их жевали, потом глотали их сок, а веточки выбрасывали. Сок был скользкий. Но зато животик не хотел кушать. А деликатесные почки съедали первыми.

Только снег стает, земля отойдет, пошли люди по полям. Там можно было найти случайно оставшуюся картошку. Она была черная, мокрая, но мамы делали из нее «тошнотики». Так назывались военные дранежки. Поешь их – и тошнит. Ну и что?! Зато животик полный!

Но больше, чем весну и ее лакомства, я ждала папу! Вот-вот он придет, схватит меня, как пушинку, подбросит вверх, а я буду счастливо смеяться. Это были счастливые минуты, жаль только, что они были такими короткими. Уходя, папа обязательно давал мне

гостинчик: то кусочек кускового сахара, в каких-то крошках, то кусочек хлеба-сухарика. Став взрослой, я поняла, что это свою порцию он приносил мне, а ведь ему оно тоже было нужно.

На заводе смена была одиннадцать часов, а потом какой-нибудь аврал: то срочно нужно разгрузить какой-нибудь состав, то загрузить готовую продукцию в него, то нужно поработать на строительстве «литейки», то на подсобном заводском хозяйстве. Вот и уж некогда идти домой.

Часто вспоминаю, как мы с мамой ели. Сидим за столом. Она мне хлеба даст побольше, оставит папе – вдруг забежит домой, а себе возьмёт маленький кусочек, отщипывает от него по крошке и запивает морковным чаем. Так и сидит, моя родная, смакуя, обманывая голод!

Еще мне нравилась весна, потому что земля подсыхает, дети, старики, женщины выходят во двор и начинают наводить порядок: сгребают в кучи мусор, в том числе и стекло. Вот я и встретила весну 1945 года «ранением». Ходить мне не нравилось спокойно, всё торопилась куда-то. Подняв голову, увидела в небе аэростат, и с криками: «Серебро! Серебро!» – и влетела в одну из куч, где было много стекла. По инерции пробежала и упала, отчаянно плача от боли: обе ножки до колен

были в крови. Хирургу пришлось хорошо с ними поработать, изымая осколки стекла.

Недели через две все забылось, потому что вдруг в бараке зашумело, слышались крики мальчишек: «Ура! Мы немцев побили! Ура!» Все стали выбегать из своих комнат на улицу, выбежала и мама со мной. Победа! Кто-то смеялся, кто-то плакал, заплакала и мама.

– Мама, почему ты плачешь?

– Ты не поймешь меня. Ты маленькая!

– Я все понимаю. Тебе плохо?

– Нет, очень хорошо – ведь война закончилась!

– А почему плачешь?

– Ах, дочура-дочура, ведь не все выжили, дождались. Вот я и плачу. Нет Кости, Пети, Маркела, Лены. Вырастишь – поговорим об этом.

Два мая

Начало 1952 года. Прошло только 6 лет, как закончилась Великая Отечественная война, а папу Рыжика и ещё двух человек из завода имени Сергея Мироновича Кирова города Хабаровска посылают в город Ленинград (ныне г. Санкт-Петербург) в Кораблестроительный институт на курсы повышения квалификации. Страна приходила в себя от разрухи и ужаса Великой Отечественной войны, строилась; ей

нужны были специалисты с новыми знаниями. Это поразительно!

Люди ещё оплакивают родных, любимых, которых потеряли, ещё не наелись досыта, а уже готовят новых специалистов! Тех специалистов, которые начинают строить новые корабли с новыми двигателями, тех, которые уже скоро запустят первый в мире спутник, тех, которые скоро полетят в Космос. Фантастика!

Это всё уже скоро случится. А сейчас Рыжик с папой, мамой, сестричками мчится на поезде в Москву. В соседнем купе едут папины коллеги. Детям, конечно, не хватало пространства, но они не унывали. И вот они в Москве. Рыжик была там полгода. Впечатлений каждый день было столько, что они не успевали укладываться в памяти, но главное – 1 Мая в Москве – она запомнила очень хорошо.

День был яркий, солнечный, радостный для всех, а для неё это было ещё всепоглощающее ожидание того мгновения, когда она окажется на Красной площади и увидит Сталина.

Встали рано утром: мама, папин брат дядя Лёша и Рыжик торопились, чтобы успеть к назначенному времени к месту сбора метростроевцев перед демонстрацией.

Путь к Красной площади был долгим, отовсюду шли колонны людей, похожие на

движущиеся цветущие сады, украшенные шарами, птичками, флажками. Двигались то медленно, то быстро, порой даже переходя на бег. Какой-то невидимый дирижёр управлял этим упорядоченным движением многих тысяч людей.

Долго стояли у Колонного Дома Союза. Там скопилось много участников демонстрации из различных предприятий, учреждений. Очень красивы были спортивные колонны. Там были и дети-спортсмены с лыжами, коньками, шарами и лентами. Это были лучшие спортсмены-дети. Люди пели песни под аккордеоны и баяны, смеялись, шутили, танцевали.

И вот колонна метростроевцев на Красной площади! Все смотрят на Мавзолей, где на трибуне стоят Иосиф Виссарионович Сталин, Климент Ефремович Ворошилов, Семен Михайлович Будённый, Вячеслав Михайлович Молотов, другие руководители партии и правительства. Рыжик счастлива: она очень хотела увидеть Сталина, и она его увидела, он в тот момент, когда их колонна проходила мимо трибуны, махал демонстрантам рукой, и ей показалось, что это ей он махал – ведь она сидела так высоко на плечах дяди Лёши! Выше всех!

Май – это торжество цветущей Госпожи Природы, дарящей нам запах душистой

невесты-черёмухи, покрывающей белым «снежным» покрывалом своих лепестков согревающуюся от стужи Землю, и утонченный запах ландыша, который ещё называют «слезы Богородицы». Почему? Узнав о страшной судьбе своего сына Иисуса Христа, она страшно расстроилась – ведь она же мать! Плача, шла она, ничего не видя от горя, и там, где проходила, на месте каждой слезинки появлялся прекрасный, беломраморный цветок, который и назвали «Слёзы Богородицы». Рыжик слышала, что имя Богородицы часто звучало на войне в молитвах солдат перед боем, в безвыходных ситуациях, в их рассказах. Об этом она прочитала и в одном из номеров журнала «Война и Отечество».

В годы Великой Отечественной войны, как говорили солдаты-очевидцы, произошёл такой случай. Наши заняли стратегически значимую высоту. Бой был особенно жестоким, вся нейтральная полоса была устлана телами наших и немецких солдат.

И вдруг один боец сказал, что на «нейтралке» ходит какая-то женщина и навзрыд плачет. Немцы выключили свою агитацию и музыку, и все слышали этот плач. Солдаты выглядывали из своих окопов и видели, как по нейтральной полосе в тумане шла женщина в тёмной и длинной одежде, причём рост её был в

два раза выше человеческого. Она склонялась к телам убитых и громко плакала. Похожа была на Богородицу! Немцы тоже всё это видели, их каски торчали над окопами. Пока солдаты враждующих сторон смотрели на видение, странный туман покрыл большую часть павших, будто укрыв их саваном. А женщина вдруг перестала рыдать, повернулась в сторону русских окопов, поклонилась и ... исчезла. Этот знак растолковали как милость Богородицы. «Значит, и Победа будет за нами», – сказал один из бойцов.

Жители СССР почувствовали горе, беду и ужас войны ещё тогда, за несколько лет до войны, встречая детей из Испании, среди которых были дети, помогавшие взрослым сражаться против франкистов.

Многие из них остались сиротами, и вот, благодаря СССР, преодолев большое расстояние на пути к свободе, миру – они в Советском Союзе. Детей встречали тысячи людей, плакавших при виде перепуганных, уставших испанских ребят, переживших потери, страх. На их головах были пилотки, которые называли «испанками», наши пионеры тоже стали носить их, надевая на сборы и другие различные мероприятия. С самой первой встречи в СССР у испанских детей появилось много друзей. Дети заново привыкали к мирной

жизни, но через несколько лет война, ещё более страшная и кровопролитная, догнала их уже на территории Советского Союза.

Помня слова замечательной и уважаемой всеми народами мира Долорес Ибаррури, вождя Испанской Республики: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!», потерявшей в войне против фашистов своего единственного сына, подростки в СССР юные испанцы вместе со своими советскими сверстниками уходили на фронт.

И вот 7 мая 1985 года. Этот день навечно врезался в память Рыжика и всех, кто в тот день пришёл на Красную площадь, в Александровский сад на празднование 40-летней годовщины Победы в Великой Отечественной войне. В это день здесь должна была проходить торжественная церемония, посвящённая Памяти павших.

Стоят тысячи людей, образуя как бы коридор, по которому идут Герои той войны, многие из них в военной форме, а формы разные: идут солдаты-победители из СССР, а рядом с ними и летчики-французы из эскадрильи «Нормандия-Неман», и «маки» – так называли партизан во Франции, в их состав входили и русские, и бельгийцы, и люди других национальностей, сбежавшие из плена, концлагерей. Сбежать из плена им помогли

замечательные французские женщины – «Жанны д` Арк» сороковых годов двадцатого века. Сколько спасенных душ на их счету! Бесконечное им спасибо за это!

Вместе с советскими солдатами и офицерами, участниками Великой Отечественной войны, шли её участники из Болгарии, Польши, Чехословакии (сейчас это две страны: Чехия и Словакия), США, Великобритании, шли итальянские партизаны и, конечно же, испанцы, у которых среди участников этого торжественного мероприятия было много знакомых, друзей, ведь Вторая Мировая война началась с сопротивления испанских патриотов и интернациональных бригад.

Они формировались из людей, в одиночку и группами с большими трудностями прибывающих на территорию Испании сражаться против испанских фашистов, во главе которых был генерал Франко – испанский Гитлер. Вторая Мировая война началась с Испании по кодовой фразе, прозвучавшей в эфире: «Над всей Испанией чистое небо».

И вот теперь эти отважные люди встретились в Москве, чтобы у могилы Неизвестного солдата поклониться всем, кто не дожил до Победы, но приблизил её, поклониться и своим интернациональным

братьям, погибшим тогда, в самом начале безжалостной, страшной войны; это они первыми объявили бой фашизму! И их выжившие друзья из многих стран мира пришли к Кремлёвской стене и стоят, обнажив побелевшие головы, вспоминая их, отдавая им честь.

Наступила тишина. И вдруг зазвучал «Реквием». Казалось, зазвучали кремлёвские стены, мрамор и гранит у их изножья и у могилы Неизвестного солдата, зазвучала земля под ногами собравшихся людей у Александровского сада, непреодолимой печалью входили звуковые волны в сердца собравшихся. Теперь это были не просто знакомые и незнакомые люди, пришедшие сюда по случаю памятного дня и праздника, это была огромная, единая семья, оплакивающая дорогих им людей.

Печаль эта объединила членов правительства СССР, убеленных сединой участников войны из разных стран мира, пришедших и приехавших сюда, чтобы вспомнить, чтобы поклониться не только этому Неизвестному солдату, а всем, кого потеряли. Среди приглашенных на эту торжественную церемонию Памяти был и известный всему миру своим подвигом Герой Советского Союза, военный лётчик Алексей Маресьев, потеряв обе

ноги, он снова вернулся в строй боевых летчиков. Рыжик заметила его ещё тогда, когда приглашенные на торжество шли через живой коридор москвичей и их гостей к могиле Неизвестного солдата.

Её сын Стас, мечтающий стать лётчиком, зачитывался книгой Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке». Именно прочитав её, он захотел быть военным лётчиком.

Когда герой войны проходил мимо собравшихся, его встречали аплодисментами, называли по имени, благодарили и желали долгих лет жизни. После возложения венков и цветов, минуты молчания, торжественного марша молодого поколения солдат митинг закончился, его участники стали расходиться.

Друзья этого импровизированного интернационального полка, узнавая друг друга, обнимались, говорили на разных языках, вспоминая былое. Их радость от встречи была такой искренней, они так были счастливы, что становились моложе, энергичнее – к ним возвращалась их юность. Это превращение просто потрясало, захватывало, и собравшиеся горожане и гости Москвы тоже начинали общаться, знакомиться с ними, друг с другом.

Вот и Рыжик познакомилась с молодой девушкой-москвичкой, которая каждый год в дни празднования Победы приходит на

Красную площадь, чтобы встретиться с Героями войны и сказать им: «Спасибо!». У неё появились свои знакомые среди них. Приходит она с открытками, книгами, на которых Солдаты Мира пишут свои напутствия и пожелания подрастающим защитникам страны, делятся своими впечатлениями, а Зоя (так зовут девушку), в свою очередь, делится своими впечатлениями и бесценными памятками этих встреч со своими учениками. Умница!

Это она шепнула Рыжику: *«Беги к Историческому музею, там, надеюсь, ещё остались книги или открытки. Возьмёшь у Маресьева его автограф и попросишь, чтобы он написал свои пожелания твоему сыну».*

Рыжик, пробиваясь через толпу собравшихся, бросилась к музею – ей повезло: она успела купить книгу Твардовского «Василий Тёркин» карманного формата и вернуться поближе к Александровскому саду. Участники торжественной церемонии уже выходили из сада, среди них был и Алексей Маресьев, который потихоньку шёл, отвечая на приветствия и давая автографы. Рыжик подошла к нему и попросила написать на книге несколько слов для сына, мечтающего летать. Он, улыбаясь, взял ручку, книжку, спросил, как зовут сына, в каком классе он учится и написал: «Стас, хорошо учишься, готовься защищать

Родину. Желаю тебе, чтобы никогда тебе не пришлось воевать» и поставил подпись.

Когда Рыжик вернулась домой и передала эту книжку сыну, он схватил её, прижал к груди и сказал: *«Мама, ты даже не представляешь, какой ты сделала мне подарок! Сам Маресьев! Да я об этом и мечтать не мог!»*

Тот праздничный май продолжился 9 Мая. Рыжику посчастливилось в это день побывать на встрече участников Великой Отечественной войны у Большого театра, познакомиться с несколькими из этих замечательных людей.

Седина в волосах, на груди медали и ордена, многие в военной форме, а стройные, озорные – ведь у многих из них взрослая жизнь началась сразу после выпускных вечеров в июне 1941 года, почти из детства они шагнули в войну, в эту страшную «мясорубку», хоть ненароком, слегка, но задевшую всю страну, всех её жителей.

Не успев полюбить, не успев поступить в институты, техникумы, на работу, они вошли в «университеты» Войны: там они учились не только воевать, но и жить, выросли, там многие из них встретили и потеряли своих любимых, там они научились плакать без слёз, прощаясь с погибшими друзьями, получая

страшные весточки из дома, из освобождённых сёл и городов.

И вот теперь, после Войны, на встречах однополчан, затаившаяся где-то глубоко-глубоко, казалось, навечно Радость вдруг прорвалась среди самых дорогих людей, с которыми вместе пришлось пережить такое, что и представить было невозможно, и вот она, Радость, освободилась и закружилась в вальсе под фронтовые мелодии спустя 40 лет после Войны, разгладила их лица, озорно заплясала в их глазах, сбросила годы.

Как же им стало легко и хорошо! Как давно они мечтали об этом своём собственном освобождении от страшного груза событий там на Войне. Как зажигательно плясал Герой Советского Союза, командир разведроты Николай!

Как они любят и помнят друг друга! Какая тёплая семейная атмосфера, которая захватывает всех, кто пришёл к Большому театру на встречу с Героями! Это – встреча людей, прошедших через ад, но не разучившихся всё и всех помнить, не потерявших сочувствия, сострадания. В их глазах было всё: и радость от ещё одной встречи – «Жив, курилка!» – и слёзы от потерь, и нежность, когда они танцевали с врачами и санинструкторами, спасавшими их на полях

боёв, вытаскивая раненых своими хрупкими руками, порой плача от бессилия, и вот теперь, через годы, они танцуют вальс, и спасённые ими мужчины, надёжно поддерживая их, ведут в танце, своей нежностью ещё раз благодаря за жизнь, которую они тогда, спасая, подарили. Слезы на глазах у них, слёзы у пришедших сюда молодых людей, чтобы сказать спасибо за их подвиг, за мир.

Невозможно передать словами атмосферу этой встречи. Это должна была быть встреча людей, которых сроднила Война, а получилась встреча близких людей, живущих в разных концах страны.

Количество собравшихся постоянно увеличивалось: подходили ветераны и обычные люди, даже целыми семьями, москвичи приносили только что испеченные, с пылу-жару пироги, пирожки, картошечку, закутанную в полотенце – чтобы не остыла! – конфеты, нарезки колбасы и сыра, солёные овощи, селедочку с лучком кружками и с маслицем.

Подходили, передавали свои дары «назначенным поварам», «собирали» очередной стол, приглашали почтить память родных им людей, выпить фронтовые капли за Победу, воспоминания, песни под аккордеон и гитару, танцы, фотографирование.

И снова новое пополнение – и всё повторяется.

Уходить не хотелось, Рыжику казалось, что это – встреча родственников, разлученных на время работой или службой

Искры любви

посвящается мужу Ярославу

Лана с друзьями просто не представляли своей Юности без общения с природой. Вот и в этот день, закончив работать в приёмной комиссии Политехнического института и будучи совершенно свободным человеком, она со своей сестрой Людой и её институтской подругой Аллой пошли пешком в Воронеж (лесную зону Хабаровска) часа на три-четыре, да и затерялись в золотом осеннем царстве на целый день.

Ещё цвела её любимая кровохлёбка, приводя в восторг своими удивительными, кроваво бордовыми соцветиями, ещё сильнее на лесных полянках заголубели и засинели колокольчики, местами вторично забелели ромашки-гадалки.

Просто невозможно было расстаться с такой красотой! К тому же чудный шорох разноцветной листвы так успокаивал, как бы что-то приятное шепча.

Пришли в себя лишь тогда, когда закончились бутербродики, и осталось мало воды. Неохотно, но всё же пошли домой. Вышли наверх горы у села Нагорное и остановились от захвативший дух картины: они, вроде, парили над городом, который был под ними, как на ладони, был виден могучий и широкий Амур, он, как широкая длинная лента обвивал Хабаровск, а высокие Воронежские сопки охраняли его покой.

Всё было заполнено смолистым сосновым воздухом, а небо сияло такой невероятной синевой, что ноги не подчинялись, не хотели возвращаться домой.

Придя в себя от увиденного родного приволья, его красоты, девушки решили продолжить свою прогулку, но уже в другой стороне – на Радиоцентре. Весело разговаривая, они не заметили, как отклонились от намеченного маршрута. Что делать?! Возвращаться уже не было сил – девчата переоценили свои возможности.

Вот и пошли любительницы приключений вперед. Не боялись, потому что вдалеке маячили какие-то строения, значит, там есть люди и у них можно будет передохнуть, напиться водички и купить что-нибудь поесть, а уж потом думать о возвращении домой. За их спинами уже полыхало усталое солнышко,

садившееся всё ниже и ниже за Амур, за синие горы. Пришлось поторопиться.

Девушки чувствовали себя потерявшейся командой по спортивному ориентированию на местности: лесная дорога, овраг, дубовая роща – только обрадуются, переведут дух – опять лесная дорога, овраг, а каждый из них казался всё глубже и глубже, неприступнее, роща!..

Лана, Люда и Алла уже чувствовали себя не прелестными созданиями юными, а «неподкованными клячами»: то одна, то другая, то третья спотыкались, карабкаясь вверх из оврага, теряя от смеха последние силы, ложился разбросав руки и ноги и шептал: «Всё! Буду здесь ждать восхода солнца!» Так они преодолели четыре «полосы препятствий». Было еще светло, и вдруг Люда крикнула:

– Смотрите, девчонки! Посмотрите! Там люди! Ура! Аллилуйя! Теперь будем жить!

Потерявшиеся авантюристки начали так бурно плясать танец радости, что забыли о голоде и жажде!

И тут Лана вспомнила, что здесь живёт Славик, горящие ореховые глаза которого она, даже закончив работу в приемной комиссии, вспоминала каждый день, а, может быть, именно поэтому она и предложила сестре с подругой идти именно в эту сторону?!

Провидение не обманешь! Ну, конечно же! Не зря её ноги пошагали точно сюда да!

Там, за двумя мелкими оврагами, Славик, его мама и две сестрички копали картошку около дома. Она узнала его!

– Ну, девчонки, сейчас вы увидите его!

– Кого – его?

– Ну, Славика.

– Ура! Наконец-то мы увидим того, с кем всё своё свободное время проводишь ты!

«Да! – подумала Лана, – зря я им сказала: они мечтают увидеть принца, а он работает «на крестьянской полоске», явно будет не на «белом коне».

Но это крамольная мысль мелькнула и исчезла. В ней стали просыпаться радость и её подруга, нетерпение.

– А как мы его позовём и скажем, что мы умираем от голода и жажды?!

Это поинтересовалась Алла, а Люда предложила:

– Давайте мы будем втроём его звать!

И уставшая троица начала голосить:

– Славик! Славик! Это – Лана! Иди к нам. Захвати воды и хлеба! Пожалуйста!

Кричат они, надрываются, а он продолжает заниматься своим делом. Девушки отчаялись.

– Слушай, Ланка, он случайно не глухой у тебя?

И вдруг страдальцы увидели, что мама Славика распрямилась, прикрыла глаза козырьком и стала пристально смотреть в их сторону, потом что-то сказала сыну, он побежал домой и скоро с поклажей зашагал к голодающим. Оказывается,

Мария Фёдоровна нечаянно глянула в их сторону и поняла, что у этих заполошенных что-то случилось, а слышать они ничего не слышали, потому что ветер дул навстречу кричащим девушкам и относил их крики к ним же. Мария Фёдоровна сказала Славiku, что это, вероятно, его знакомые, и они потерялись и что им нужно помочь.

Пока Славик пробирался к девушкам – несколько слов о том месте, где проживал молодой человек.

В годы Войны это было подсобное хозяйство завода имени Сергея Мироновича Кирова. В этом хозяйстве выращивали овощи, курей, свиней, чтобы помогать продуктами деткам в детсадах, больнице кормить больных; основная часть сдавалась в заводскую столовую для усиления питания «неутомимых» – рабочих, которые, кроме фронтовой вахты, трудились после неё на строительстве нового цеха –

«литейки», помогали семьям «кировчан» в трудные моменты.

Например, когда Лана заболела воспалением лёгких, ей папа и врач Елена Александровна приносили молоко и куриные яйца. После войны, когда отпала необходимость в подсобном хозяйстве, там стало 4-ое отделение Виноградовского совхоза.

А теперь вернёмся к нашим путешественницам. Славик уже появился перед ними. Это был красивый, смеющийся брюнет с рюкзаком за плечами, с 3-х литровым бидоном воды в одной руке и с ведром – в другой. Девушке начали его тискать от радости.

– Скажите спасибо своим белым косынками, которыми вы махали, а главное – горящий на солнце головке Ланы.

Это сказал их спаситель, рассмеявшись. И начался праздник, в том числе, и праздник живота.

Девушки при угасающих лучах солнца успели быстренько, силы-то прибавились при виде такого красавчика, натаскать огромную кучу хвороста. Вот что значит, появление молодого человека!

Забыв про голод и жажду, подруги начали прихорашиваться, подтянулись, глазки заискрились, ножкам вернулась резвость, телу – плавность. Как три «лесные павы», теперь

выступали они перед ним; каждая норовила чем-то привлечь его внимание, помочь ему.

Славик скоренько разложил костер, девушки накрыли «скатерть самобранку». А были там и колбаска, и сырок, и редисочка аленькая, и сало с чесночком, и огурчики, и лучок зелёный, и помидорчики, а главное – хлебушко, соль и яйца!

Находившаяся натрудившаяся молодёжь с удовольствием уплетала все эти дары Божии, весело болтала, шутила, острила. Наконец насытились!

Стало хорошо темнеть. Славик зажёл костёр, и густые сумерки как бы отступили, мириады звёздочек-искорок вылетали из костра, устремляясь в небо.

Темнеющий лес окружил поляну, что-то скрипело, что-то постанывало, что-то урчало, а весёлой компании всё было нипочём! Славик предложил прыгать через костёр. Девушкам стало страшновато – уж больно яркий и высокий он был!

– Мы подождём, когда он меньше станет, хорошо?

– Идёт!

Это им ответил «принц» и, разогнавшись, взлетел над костром!

Зрелище и обстановка были необыкновенными, а полет юноши –

завораживающий. Легко взлетев, Славик в своей малиновой, а в свете костра — пламенеющей рубашке казался Икаром, птицей Феникс, глаза сверкали искрами костра и смешинок!

Он был прекрасен! Люда, Алла и Лана неотрывно, с восхищением следили за ним и его полетом.

Стояла тишина, даже костер «присмирел»: перестал трещать на миг. Потом, очнувшись, девушки зааплодировали ему, подбежали, затормозили его, перебивая друг друга, начали выражать своё восхищение.

Они назвали его «нашим Икаром». Лана и «Икар» стояли напротив, не сводя глаз друг с друга. Казалось, всё и все замерли вокруг на мгновение! То пришла к ним Любовь! Удивительная, настоящая, на всю жизнь!

Вдруг Лана, сорвалась с места, схватив Славика за руку, и уже вдвоём они взлетели над костром!

За ними последовали и Люда с Аллой. Всем стало хорошо и тепло!

Это был апофеоз спонтанного праздника, начало нового этапа в отношениях Ланы и Славика! Доброго и счастливого им пути!

Стихи от Светланы Блажкевич

Детям войны

Уходят ветераны фронта и тыла,
На смену приходят дети жестокой Войны.
Они тоже стране помогали,
На заводах отцов, что ушли воевать,
заменяли.

Вместе с матерями Победу ковали,
Хотя до станков с трудом доставали.
Минувя юность, взрослыми стали,
Трудности, горе преодолевали.

В сёлах хлеба с полей убирали,
Лён убирали, били его, колотили,
А потом солдатам рубашки нательные шили.
Малышам тоже доставалось:

Похоронки, поесть не всегда удавалось.
Вместо кукол – завёрнутые в платок поленья,
А перед сном – за отцов, за Победу моленья.
Всё прошло. Они уже повзрослели.

Стали старше убитых отцов. Поседели.
Ожидания их оправдали.
Хотя многие отцов не видали.

Курская битва

*Посвящается радисту Войны
Николаю Наволочкину и всем,
сражавшимся под Курском, под Орлом*

Лязг металла и огонь!
Всё поглощающий огонь!
И вспоминаются русские былины,
Что до сих пор ещё «живы»:

«И вот вышли на поле
Чудовища да огненные,
Стали всё крушить да сжигать,
Жизни воинов да забирать...»

Пятьдесят дней шёл под Курском бой,
По ночам лишь короткий отбой.
«Отступать нельзя – он решающий», –
Командир сказал их возглавляющий, –

«Решается иль рабами нам жить,
Или ратный подвиг свой совершить!»
Горели танки, люди, земля,
Отступать нельзя – за ними семья!

И сражались бойцы до конца,
Пока весть не пришла от гонца:
«Мы фашистское войско разбили!
Мы под Курском их победили!»

Слёзы радости по лицам обожжённым текли,
Мешались со слезами о друзьях,
Что из этого ада навечно ушли,
И с земли их уже не поднять.

И дома ждали с фронта вестей,
Ждали долгих пятьдесят этих дней.
И вот сообщило Совинфобюро
О Победе, что так ждали давно!

И стали о конце Войны говорить.
Понял и Берлин: «Москвы – не победить!»

Женщине

«Миром правит рука, качающая колыбель» –
И всё равно, кто лежит в ней:
Машенька, Джекки или Иссабель.
И нет никого – мамы главней.

Малыш впервые глазки открывает,
Мама его нежной улыбкой встречает.
Ребёнок впервые пошёл, стал падать –
Мама его подхватила
И в танце первом закружила.

Испуг от крохи убегает,
Радость глазки заполняет,
Ротик счастливо смеётся.
Хотя маленьким ножкам достаётся,
Но мамина Капелька не сдаётся.

Ведь рядом мамочка всегда,
Всё знает и может она.
Их встреча – встреча разных миров.
Для мамы – это пробуждение Богини,
Для крошки – мира познание с первых шагов.

Мама в царство свое поведёт,
Терпеливо, с любовью, нужное слово найдёт.
Во вниманьи, добре «искупает»,
Лучистым взглядом обласкает.

«Волшебница» мама всё может:
Даже ноту капризную обуздать
И сделать каждое дело на «пять».
Мамино слово надежду вселяет –
Всё против – она одобряет.

Романс под фортепиано споёт,
Горку вкусных блинов напечёт,
Слышать звёзды научит
«...Послушай, как они звенят!»

Если проблема – пошутит,
За заботу все её благодарят.
Хочется плакать – мама смеётся,
И способ решенья сразу найдётся.

Неназойливо на жизни пути направляет,
Мудростью своей, красотой всех покоряет.
Деток секрет навсегда сохраняет,
Беззаветной верностью просто восхищает!

Мама – это яркое солнце,
Только светит оно нам до самого донца!
За каждым мужчиной – женщина стоит,
Любит его, боготворит,
Помогает ему жить, цели добиться,
И в радости, и в беде его не стыдится.

И дома, и на работе прекрасна она,
Отважна, щедра и умна.
Но! Мамам, любимым тоже нужны
благоговенье,
Цветы, объятия, обожанье и наше терпение!

Мемориальная страница

Александр Харин – первый председатель ХабРО РСР, в чем тоже его маленький личный, но значимый для нас, авторов ХабРО РСР, подвиг. По основной профессии он – художник, учил детей рисовать. А еще, оказывается, совсем в юности 17-18 лет, он занимался в одной литературной студии в пединституте города Хабаровска вместе с И.Царевым, всемирно известным поэтом. Как-то, Александр Андреевич пообещал на очередных Царевских чтениях рассказать нам историю своего общения с Игорем Вадимовичем, даже подготовился к публичному выступлению. Но в самый последний момент от выступления отказался. Так и осталось тайной, что он нам хотел поведать, какую неизвестную страничку из жизни известного поэта...

Александр Харин родился 15 июня 1944 года. Почти через три года после начала войны. В Первый день Победы, 9 Мая 1945 года, ему не было и годика. Естественно, он не мог ничего помнить об этом дне в силу своего малолетства. Александра Харина нет среди нас. Но стихи его остались, и за ними сохраняется право быть помещенными в сборнике творческих работ детей военного времени. А очерк он написал, незадолго до своего ухода из жизни – на

очередной (ежегодный) конкурс Константина Симонова, в Могилев (Беларусь). Отправлял через мою почту, просил «подредактировать», так очерк у меня и сохранился, случайно.

Вряд ли где-то этот очерк был им опубликован. Так что, уже после его жизни – презентуем прозу Александра Харина.

Светлая ему память!

Наш Блюенорт

очерк

Я родился в с. Блюенорт, Константиновского района, Амурской области в 1944 году.

Само название села совершенно не характерно для этих мест и несет на себе какую-то загадочную, таинственную для меня информацию.

Слово Блюенорт имеет немецкое происхождение. «Блюм» – фамилия германского происхождения и в переводе означает «цветок». Некоторые носители этой фамилии – польские и российские дворяне. Наше село было основано в 1927 году и, считается, названо так по славгородской колонии.

Немецкие поселения с аналогичным названием были разбросаны по многим

областям большой страны Советов. У нас это были и белорусские поселения, и поселения немецкие. Были и другие поселения, но сейчас от них всех и камня не осталось.

Как попали мои родители на эту землю, я не знаю. И они никогда нам об этом не рассказывали. Лишь только мамины глаза в момент воспоминаний о чем-то о своем начинали обильно туманиться слезами.

У нас была большая семья. Я был к этому времени шестым ребёнком. С нами рядом, через два двора, жила белорусская семья по фамилии Крысюк.

Они жили одни, детей у них не было. Как эта семья там оказалась, мне до сих пор не известно. Крысюк рассказывали маме с отцом всё, что они пережили за свою жизнь, и как оказались в такой далёкой сторонке.

С моими родителями они очень хорошо дружили. Ходили к нам часто в гости. Мой отец работал трактористом в колхозе. Работал трактористом, пахал землю под пшеницу на полях. У Крысюк не было своих детей. И по частым воспоминаниям мамы с отцом знаю, что они просили, чтобы мама с отцом отдали меня им в семью на воспитание. Они хотели меня усыновить.

Мне было тогда три года. Это был 1947 год. Семья Крысюк говорили отцу: «У тебя

шесть малолетних детей, трудно их вам воспитывать. А у нас своих детей нет, и не будет никогда». Аборты в то время были запрещены.

Отец мой, им говорил: «Нет, не отдам. На руке пять пальцев. Отрежь один, и всю жизнь будет его не хватать. Так и в семье. Не будет хватать одного моего сына. И всю жизнь мы будем вспоминать, где наша родная кровиночка, с горьким стоном в наших душах».

А как наша семья и белорусская семья попали так далеко, я до сих пор не знаю. Спрашивать и лишние вопросы задавать в семье было не принято. Родители никогда, никому из нас об этом не говорили. Нежно целовали и прижимали к себе своими дрожащими руками.

Умер И.В. Сталин.

Через некоторое время после этого мы переехали в Новоалександровку, а затем в город Хабаровск.

Здесь и живём до сих пор.

Часто мама с отцом, вспоминали эту белорусскую семью. Вспоминаю мамины рассказы с отцом об этой белорусской семье с теплом и добрым уважением к этим людям. Они всегда чем-то с нами делились. Помню о нашей дружбе, о дружбе нас русских и белорусов.

Стихи от Александра Харина

С выпускного – на войну
ко Дню Победы

Школа ты – родная школа,
Стены помнят всех девчат.
Про ребят всё также знают,
Жаль, что стены все молчат!

Лето жаркое стояло,
Ночь та звёздною была.
Утро горюшком пылало,
В выпускной пришла война!

Детство школа ваша помнит,
Выпуск был перед войной.
За страну пошли вы биться,
Был призыв страны родной.

Вы не взяли аттестаты,
Взяли в руки автомат,
Чтоб с немецкою ордою,
Прогредел и ваш набат!

А стране всей было худо,
Сменив книги на штыки.
В бой вы рвались друг за другом,
Шли на фронт выпускники.

Мало вас осталось в сече,
Много пало вас в боях.
Каждый был войной помечен,
Шли с Победой на плечах!

Помнит школа всех, не вставших,
Помнит тех, кто в землю лёг.
В День Победы вам подняться,
В небе больше станет звёзд!

Души в небо улетают,
Лебедь-птицею живут.
Красотой во мгле пылают,
В небе души не умрут!

Она его в войну нашла

*«Георгиевская лента»
70-летию Победы.*

Она его в бою спасла,
Без ног оторванных нашла.
Прожили дружно много лет,
Не счесть всех жизненных побед.

И вдруг в больницу увезли,
Но муж кормить её ходил.
Она его не узнавала,
Душа тихонько угасала.

Его просили не ходить,
Но он не мог её забыть.
На костылях без ног ходил,
С тарелки ложечкой кормил.

«Ты сам-то еле-еле ходишь,
Ты душу здесь свою изводишь.
Не знает даже, кто ты есть,
Но ты бываешь всегда здесь».

В ответ, в слезах ответил он:
«Я все года в неё влюблён.
Женою верной мне была,
Она меня в войну спасла!»

Фронтовому журналисту

И вот закончена страница,
Твоих пожизненных всех слов.
В словах твоих – тебя частица,
Прошёл ты много городов.

По жизни шёл, писал курсивом,
Писал про подвиги солдат.
Бомбил врага своим ты словом,
Врага разил твой автомат!

К победе сердцем ты привязан,
Войну ты в ранах сохранил.
Победой ты с солдатом связан,
Как много было в тебе сил.

Людей, как ты, осталось мало,
В атаку словом подымал.
Войны людей давно не стало,
Такой ты путь себе избрал!

Записки мы твои читаем,
И в этом подвиг твой и есть.
Твои награды не считаем,
И жизнь твоя – словами песнь.

Писал под грохот ты, согнувшись,
Нёс слово сына матерям.
Вела тебя войны дорога,
Словами подвиг совершал!

И поле битвы всё дымилось,
К победе шёл в бою солдат.
У матерей слеза катилась,
Строчил уж мирно – автомат!

В войну собаки воевали

В войну собаки воевали,
С бойцом делили свой паёк.
Они фашистов подрывали,
С солдатом был один окоп.

Они искали мины в поле,
Таскали раненых бойцов.
Под танк влезали со взрывчаткой,
Геройских много было псов.

Собаки были боевые,
И связь тянули на войне.
Собаки были подрывные,
С врагом горели на земле.

На фронте гибли в честь победы,
В бою с солдатом рядом шли.
И были ранены, убиты,
Войны все тяготы несли.

Заслуг они имеют много,
Награды их не обошли.
Врага терзали они злого,
Его с собою вместе жгли!

Воинская слава России

Вокруг горело и стонало!
Полилось горюшко слезой.
И землю страхом всю сковало,
Покрылось небо чёрной мглой!

И зверь-фашист напал под утро,
Была страна ещё во сне.
Летели бомбы поминутно,
Граница вся была в огне!

И встал наш Воин на защиту,
И начал бить фашистов он!
Вложил отвагу в эту битву,
И начал гнать фашистов вон!

Он гнал фашистов до Берлина,
Европу всю пешком прошёл.
Война республики сплотила,
Солдат к Рейхстагу подошёл!

И над Рейхстагом – наше знамя,
Победный крик гремит везде!
С Победой мы добились «зверя»
И пусть гниёт в своей земле!

В день Славы воинов России,
Мы славим Русь, её солдат!
Но если вдруг, кому неймётся,
Мы защитим Россию-Мать!

Марафон Георгиевская лента

К 70-летию победы над фашизмом!

Снайпер

Страна к победе призывала,
В войну увёз тебя вагон.
На фронт ушла ты, молодая,
Попала в женский батальон.

Ты супостатов убивала,
Фашиста била метко в глаз.
Врага в прицел всегда искала,
Страны, народа был наказ!

Была ты снайпером-бойцом,
С войны вернулась вся седая, Пропахла
жаренным свинцом
Звезда героя, золотая!

Ты в боевых, военных ранах,
Любви не знала, знала смерть.
В душе остался чёрный пепел,
Сумела Родину сберечь!

Наша Победа

Нам Победа досталась непросто,
Миллионы Советских солдат
В аллой кровью помеченных вёрстах
Вечным сном на чужбине все спят.

Чёрной свастикой-паутиной,
Нас жестоко окутывал враг.
Города и деревни в руины
Превращал он на наших глазах,

И топтал колосистые нивы
И цветущие наши сады.
Только не были мы терпеливы
Перед натиском чёрной беды.

На защиту священной Отчизны
Встали грудью народ и солдат,
Не щадя свои силы и жизни.
Всё для фронта! Ни шагу назад!

Надо было... И грудью прижатый,
Замолкал огнедышащий дот.
И на танки с обычной гранатой
Шли солдаты, но только вперёд!

И сломали фашисту хребтину,
И смогли, защищая страну.
В самом логове смерти – Берлине,
Мы священную кончить войну.

Нам Победа досталась непросто,
В той войне не на жизнь, а на смерть.
Покоряли с Победой мы вёрсты,
Их пройти надо было уметь.

Пусть же светом улыбок окрашен
День Победы на все времена
Будет праздником радостным нашим,
Мирной каждая будет весна!

День Победы

И вот настал конец войне!
Пройдут и муки, и страдания.
Май месяц радостен, в стране
Победный день для ликования!

И флаг Победы засверкал!
На верхнем куполе Рейхстага.
Врагов солдат наш добивал,
Горела в лицах всех отвага!

Победа! С радостью слеза.
И знамя гордо развевало!
Победой Родина жила,
Победа всех нас отстояла!

Мы чтим великий день Победы!
И честь Победе отдаём.
На площадь к факелу с поклоном,
С солдатом-дедушкой идём!

В День Победы ветеранам

Куранты ровно в десять бьют,
В войне погибшим шлют салют.
Солдат войны идёт в строю,
Он защищал народ, страну.

Прошёл с Победой много стран,
Свой за Победу пил стакан.
Слеза в морщинках затаилась,
Другая каплями катилась.

Спасибо тем, кто воевал,
И тем, кто жизнь за нас отдал.
Победы знамя вознесли,
Страну Россию сберегли!

Вас чтит Страна и шлёт поклон,
Курантов в День Победы – стон.
Парад идёт, чеканя шаг,
И вами был повержен враг!

Об авторах сборника

Сенавина Алла Ефимовна (авторское имя Алла Давидович) родилась 19 ноября 1937 года в ЕАО Хабаровского края. Долгое время проживала на Сахалине. В настоящее время проживает в городе Хабаровске.

Статус – дети военного времени, установлен в соответствии с Законом Хабаровского края. Имеет награды. Член литературно-музыкального салона «Северное сияние» Краснофлотского района г.Хабаровска. Член РСП с 2019г.

Пишет стихи и прозу. Литературные труды печатались в альманахе «Притяжение-ДВ» В 2017г в связи с личным юбилеем проведены две ее творческие встречи. Победитель литературных конкурсов. В 2019 году – первое место в Конкурсе одного стихотворения памяти Евг.Евтушенко (Конкурс объявлен Хабаровским РО РСП в 2017г). Автор сборника стихотворений «Строка и жизнь» (2017г)

Скрипченко Людмила Николаевна, Почетный член *Российского союза писателей*, родилась 15 апреля 1939 года в г.Иланский Красноярского края. Проживала и проживаю в г.Вяземский Хабаровского края. После окончания школы обучалась в Вяземском лесном техникуме, затем в Приморском сельскохозяйственном институте, который закончила в 1970г.

По специальности – инженер лесного хозяйства. Место работы только одно: до 70 лет преподавала предмет «Лесозащита» в Вяземском лесном техникуме. В трудовой книжке две записи: принята на работу и уволена по достижении пенсионного возраста. Ветеран труда.

Статус – дети военного времени, установлен в соответствии с Законом Хабаровского края. Имеет правительственные награды – медаль «За заслуги перед Отечеством» II степени. Удостоена премии Губернатора края (2002).

Первый опыт стихосложения – со среднего школьного возраста, активна в литературном творчестве с 20 лет. Всегда была членом редколлегии: ученической, юношеской, как преподаватель техникума.

Автор стихов, прозы, публицистики, научных статей (по основной специальности). Литературные работы хранятся в районной библиотеке и в музее техникума. Член литературного клуба «Вдохновение» при Вяземской районной библиотеки. В настоящее время продолжает активную общественную и литературную деятельность, проводит литературные встречи в детях в школах и в библиотеке. Член ХРО РСР.

Лауреат и финалист многих литературных конкурсов, в том числе конкурса, объявленного ранее «Литературной газетой». Автор нескольких песен для Казачьего хора. Проживает в городе Вяземский, Хабаровского края. Литературные работы печатались в газетах: «Литературная газета», «Тихоокеанская звезда», «Вяземские вести», журнале «Аргументы времени», альманахе «Притяжение-ДВ». Изданы книги: «Прыгал зайчик по стене» (Израиль). «У отрогов Сихотэ-Алиня» (Москва).

Симаков Валерий Иванович, Почетный член Российской союза писателей, родился 14 марта 1940 года в селе Рыбозавод-Солонцы (Нижний Амур) в семье астраханских рыбаков (переселенцев).

Окончил школу села Богородское Ульчского района Хабаровского края (Нижний Амур) в 1957 г. С отцом, военным строителем аэродромов, объездил почти весь Дальний Восток (Владивосток, Де-Кастри, Охотск и т.д.) В школе любил математику (был лучший математик в школе). Окончил Техническое училище в Хабаровске – в 1958г., после чего работал в городе Комсомольске-на-Амуре на Авиационный завод.

В 1959 году поступил в Хабаровский Педагогический институт на филологический факультет;

годы обучения в Педагогическом институте г.Хабаровска: 1959-1967 гг. с перерывом 1962-1965 – служил в Армии. Топография и геодезия. С экспедициями пешком обошёл почти весь Дальний Восток и часть Якутии.

После окончания ХГПИ был направлен в Москву в экономическую аспирантуру. Годы обучения в аспирантуре 1968-1970 Москва, Институт им.Плеханова у академика Л.И.Абалкина. В 1970 году работал педагогом в Хабаровском институте народного хозяйства, перевелся в Дальневосточное отделение Всесоюзного агенства по авторским правам. Зона действия: весь научный Дальний Восток и Восточная Сибирь, все научно-исследовательские институты. Изучил географию, биологию, химию, физику, космологию и т.д. В 1984 году избран Ученым секретарем Приамурского (Хабаровского) географического. Зона действия: Дальний Восток и Восточная Сибирь. Работал в обществе до 2010 года. Плавал по морям, по Амуру от истоков до Шантарских остров. Бывал на Шантарских островах (1989).

Плавал в Охотском море от Владивосток до Охотска и Николаевск-на-Амуре. Работа была и по душе и по знаниям. Участвовал в работах по демаркации границы с Китаем, возглавлял (через МИД, ФСБ, Правительство РФ, ООН) работу по решению вопросов принятия международных территориальных нормативно-правовых актов. По результатам – Охотское море стало внутренним морем Российской Федерации. За большой вклад в развитие науки и культуры Хабаровского края награжден Премией губернатора Хабаровского края. За большой вклад в развитие науки и культуры г. Хабаровска награжден Премией мэра г.Хабаровска и премией имени первостроителя города г.Хабаровска Я.В.Дьяченко.

Провел около 100 научно-исследовательских экспедиций, организовал и провел около 100 научных конференций, в том числе около 50 Всесоюзных, Всероссийских и Международных. В числе других обстоятельств благодаря такой деятельности организован в Хабаровском крае Шантарский заповедник.

Статус – дети военного времени, установлен в соответствии с Законом Хабаровского края. Проживает в городе Хабаровске. Публиковал научно-популярные статьи в журналах и газетах в Хабаровске, во Владивостоке, с.Богородское, в Астрахани, в Москве. За время работы в ПГО активно занимался издательской деятельностью. Опубликовал более 500 сборников научных статей, книг, монографий. Издавал научно-публицистические журналы «Экономическая жизнь Дальнего Востока» и «Наука и природа Дальнего Востока».

Член ХРО РСР, автор стихов, прозы, публицистики, лауреат и финалист литературных конкурсов, активный участник литературных встреч, которые проводятся в учреждениях культуры города и края, автор стихов и прозы. Стихи опубликованы в альманахах «Притяжение-ДВ», «Ритмы жизни». Автор книг и монографий: «Опыт Периодической системы атомов мыслящей материи (опыт построения)», научн. ред. академик Ю.А.Косыгин, «Атомология» (научн. ред. чл.-корр. Г.И.Худяков), «Принятие учения Демокрита на Руси», «Интеллектология», «М.М.Ломоносов: феноменология интеллекта». «Тебе одной принадлежу», Стихи, 2019г Москва.

Казанова Иольда Николаевна, член Российского союза писателей, родилась 24 ноября 1940 года в г. Хабаровске. Окончила школу №65 и технологический техникум по специальности: технолог швейного производства. По направлению учебного заведения после его окончания поехала в г. Благовещенск. Работала ст. технологом, зам.начальника отдела по управлению качеством, нач. ОТК Благовещенской швейной фабрики до 1996года. С1997 года по 2002 год работала на кафедре дизайна в Амурском госуниверситете.

С 1963 года обучалась в вечернем Университете народного хозяйства на философском факультете, затем (1964-1967) окончила три курса инженерного факультета

Благовещенского вечернего филиала Хабаровского политехнического института (сейчас ТОГУ). По семейным обстоятельствам высшее образование осталось незаконченным. С 1984 года по 1995 занималась в литературном объединении «Приамурье» г. Благовещенска. Принимала участие в областных совещаниях молодых литераторов. Имела ряд публикаций в газетах: «Амурская правда», «Амурский комсомолец», «Моя мадонна», «Эхо», «Литературное Приамурье».

В 1985 году за участие в городском литературном вечере «Глаголом жги сердца людей...», награждена грамотой обкома с формулировкой: «За подготовку и публикацию произведений по актуальным вопросам современности». В 1999 году получила первый приз в областном литературном радиоконкурсе (г. Благовещенск). В 2010 году выпустила сборник «Сложилось так...». В этом же году вернулась в Хабаровск. Член литературного клуба «Платиновый век» (руководитель Соловьева), прозаик, активный участник литературных встреч в краевом центре. Соавтор сборников: «Платиновое перо» – 2015, 2016, 2017гг.

Рассказы и миниатюры вошли в литературно-исторический альманах «Притяжение-ДВ» – №1,2,3 2017г., №1(4), 2(5), 3(6), 4(7) 2018г., 2019г., альманахи: «Зелёная лампа» (Благовещенск, АРО РСП) – рассказ «Благовещенск 1920 года», 2019г., «Ритмы жизни» (редактор В.Карташов) – 2017г.(№3), 2019г. (№7)

В сборнике «Избранное» (Москва), посвящённом итогам общероссийской литературной премии «Дальний Восток» им. В.К. Арсеньева, опубликован отрывок из произведения «Сказка для Алеши», как номинанта, вошедшего в лонг-лист номинации «Проза для детей», 2019г.

Изданные книги: «Сложилось так...», Сборник, 2010, г. Благовещенск, Семейный альманах», сборник, (история семьи), 2016, г. Хабаровск, «Сказка для Алёши», 2018, г. Хабаровск. В 2016 году открыла страничку на «Проза.ру» Член ХРО РСП Номинирована ХРО РСП к участию в конкурсе премии В.Арсеньева (2019г),

произведение автора внесено в лонг-лист. Награждена грамотой от РО РСРП в декабре 2019 года

Статус – дети военного времени, установлен в соответствии с Законом Хабаровского края. Проживает в городе Хабаровске. Двое детей и трое внуков.

Блажкевич Светлана Никифоровна, член Российской союза писателей, родилась 29 июля 1944 года в городе Хабаровске. Окончила среднюю школу в 1959 году, в этом же году стала студенткой факультет иностранных языков Хабаровского педагогического института. По окончании – три с половиной года работала учителем английского и немецкого языков в школе. С 1967 года – преподаватель, старшим преподавателем кафедры иностранных языков Хабаровского политехнического института. Окончила институт «Патентоведения». Награждена медалью «Ветеран труда». Первый лауреат премии имени М.П. Даниловского за научно-методическую работу – участник программы в рамках «TEMPYS-TACISIS» Совместных Европейских проектов. Пишет стихи, прозу. Член ХРО РСРП с 2018 года, член литературно-музыкального салона «Северное сияние» Краснофлотского района г.Хабаровска. Участник литературных конкурсов, в том числе, международных.

Статус – дети военного времени, установлен в соответствии с Законом Хабаровского края. Проживает в городе Хабаровске. Публикации: в интернете «Записки Рыжика», интернет-журнал «Librarium-ДВ» №№1,2, в альманахах «Притяжение-ДВ», 2017, 2018, 2019гг (ХРО РСРП), «Ритмы жизни», 2017, 2018, 2019гг (под редакцией В.Карташова). в Литературно-художественном журнале «Три желания», Рязань, 2019. В Сборнике о добре. Коломна, 2019, в Международном сборнике «Мир добрых сказок». Курск, 2019. Автор книги: «Дорога жизни», повесть, Хабаровск, 2019.

Харин Александр Андреевич (15.06.1944-19.03.2019), член Российского союза писателей, написал о себе на своей страничке в «Стихи-ру»:

«25 января 2017 года избран Председателем Хабаровского регионального отделения РСП. Принял крещение в Шмаковском мужском монастыре. Православен.

Стихи пишу с детства.

Вышли три книги моих стихов, под названием: «В любви целительная сила». Участвую в поэтических конкурсах. Награждён многими дипломами. Печатаюсь в краевой газете «ТОЗ», «ДВ», «Сад Огород». Создаются открытки с моими стихами. С Благословения Владыки Игнатия мною художественно была выполнена открытка, посвященная 145-летию Николая II. Отмечен Дипломами конкурса, авторской православной патриотической песни и духовной поэзии «Благовест». Печатаюсь в журнале «Аргументы времени» СВГБ по ДФО-региону. Вышел журнал в Хабаровске «Приамурье моё» Это эколого-публицистический журнал за 2013 год. В нём большой очерк о моей творческой жизни, в рубрике «Счастье – быть с природой».

Номинирован на национальную премию «Поэт года 2015», литературную «Наследие 2015». Номинирован на соискание литературной премии имени Сергея Есенина «Русь моя 2016». Номинирован на премию «Наследие 2016» и «Поэт года 2016». Номинирован на соискание премии «Наследие 2017» Вошёл в Каталог современной литературы 2016 года. Книга первая. Издаются мои произведения в конкурсных альманахах и книгах».

А.Харин автор трех стихотворных сборников, участник и лауреат литературных конкурсов. Создавал творческие работы, совмещая портретную живопись и стихотворения.

Библиографические пояснения

[1] **Семен Бытовой** – *Семён Михайлович Каган* (17 февраля (2 марта) 1909 года родился в Могилевской губернии; умер 5 февраля 1985 года в Петрозаводске), поэт, прозаик, публицист, журналист, автор, как минимум, 60 книг, из которых большая часть – о Дальнем Востоке. Писал о еврейских колхозах Крыма и о их переселении в город Биробиджан.

Первая книга стихов вышла в 1930г. В Хабаровске сборники стихов публиковались в 1934, 1940гг. Участник Великой Отечественной войны, военный корреспондент на Ленинградском фронте, имел боевые награды.

Перед Великой Отечественной войной жил на Дальнем Востоке, в Хабаровске (1933-1940гг), работал корреспондентом газет «Тихоокеанский комсомолец» и «Тихоокеанская звезда», был ответственным секретарём Дальневосточного отделения Союза писателей СССР. В 1940 году уехал в Ленинград. После войны неоднократно бывал на Дальнем Востоке и продолжал писать о дальневосточниках и по дальневосточной тематике.

Опубликовал сборники «Граница», «Дальний Восток» (1937), «Край восхода», «Ветер с Хингана» (1940), «Амур в бою», «На Тихом океане», «Камчатские встречи» (1948), «Тихоокеанская весна» (1949), «Тихоокеанская повесть» (1951), «Поезд пришёл на Тумнин» (1951), «Олени бегут к горизонту» (1966) и др., занимался переводами с идиш и китайского.

Уважаемые читатели!

Издательство «Спутник+»
предлагает:

- 📖 **ИЗДАНИЕ И ПЕЧАТЬ МОНОГРАФИЙ, КНИГ** любыми тиражами (от 50 экз.).
 - ✓ Срок - от 3-х дней в полноцветной и простой обложке или твердом переплете.
 - ✓ Присвоение ISBN, рассылка по библиотекам и регистрация в Книжной палате.
 - ✓ Оказываем помощь в реализации книжной продукции.
 - 📖 **ПУБЛИКАЦИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ** для защиты диссертаций в журналах по гуманитарным, естественным и техническим наукам.
 - ✓ Журнал «Естественные и технические науки» входит в перечень ВАК.
 - 📖 **ПРОВЕДЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАОЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ** по всем научным направлениям для аспирантов, соискателей, докторантов и научных работников.
 - 📖 **ПУБЛИКАЦИЯ СТИХОВ И ПРОЗЫ** в журналах «Российская литература», «Литературный альманах «Спутник» и «Литературная столица».
- + **Набор, верстка, корректура и редакция текстов.**
+ **Печать авторефератов, переплет диссертаций (от 1 часа).**
-
- **Переплетные работы, тиснение, полноцветная цифровая печать.**

Наш адрес: Москва, 109428, Рязанский проспект, д. 8А
тел. (495) 730-47-74, 778-45-60, 730-48-71 с 9 до 18 (обед с 14 до 15)
<http://www.sputnikplus.ru> e-mail: print@sputnikplus.ru

ПРИТЯЖЕНИЕ-ДВ

Литературно-исторический альманах

Выпуск 2(13)

Издательство «Спутник +»
109428, Москва, Рязанский проспект, д. 8А.
Тел.: (495) 730-47-74, 778-45-60 (с 9.00 до 18.00)
Подписано в печать 07.07.2020. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 13,25. Тираж 26 экз. Заказ 192.
Отпечатано в ООО «Издательство «Спутник +»